Когда темные боги шутят

Автор:
Александра Лисина

Когда темные боги шутят

Александра Лисина

Артур Рэйш #1

Череда необъяснимых смертей всколыхнула Верль, поставив в тупик следователей из Управления городского сыска. Казалось бы, какая может быть связь между погибшим жрецом, немолодой экономкой и обожающей яблоки девочкой? Но у богов бывают скверные шутки, особенно если эти боги – темные. И поразившее город проклятие – еще не самое худшее, что могло бы случиться.

Впрочем, проклятие – это проблема уже не сыскарей, а мастера Смерти. И городу крупно повезло, что один такой здесь все-таки есть.

Александра Лисина

Когда темные боги шутят

Когда темные боги шутят

Пролог

Ненавижу такую погоду – сыро, промозгло, с прохудившегося неба непрерывно льет дождь. Порывистый ветер, то и дело норовящий стегнуть по лицу, заставляет низко пригибать голову и поднимать воротник. Под ногами мерзко чавкает грязь. Отяжелевший плащ постоянно цепляется за голенища…

Ненавижу. Но ничего не поделаешь – осенью в Верле иной погоды не бывает. Хорошо, если раз в десять дней солнце ненадолго выглянет из-за тяжелых туч. В остальное же время – дожди, туман, слякоть, а ближе к зиме еще и мокрый снег.

Услышав позади шум быстро приближающегося экипажа, я раздраженно сплюнул и, завернув за угол ближайшего дома, укрылся за первым попавшимся выступом. Через несколько мгновений мимо с грохотом пронеслась богато украшенная карета. В проулок, куда я нырнул, щедро плеснуло грязью. Громадная лужа, занимавшая почти две трети улицы, разлилась от стены до стены, и мне пришлось еще пару минут выжидать, пока плавающий в ней мусор отхлынет на безопасное расстояние.

Убедившись, что опасность миновала, я поправил шляпу и, запахнув вымокший до нитки плащ, подумал, что придется прикупить новые сапоги. Я и так с этим долго тянул – все ждал, когда удастся подзаработать. Но Верль – городок небольшой и расположен в самой что ни на есть глуши. Потому и дороги здесь не мощеные, и жителей не так уж много, и работы по моему профилю почти нет…

Да, ПОЧТИ.

Покатав в кармане одинокий золотой кругляш, я усмехнулся и ускорил шаг.

Если бы мой учитель только знал, чем я промышляю, он бы в гробу перевернулся от ярости. Но в моем положении выбирать не приходилось – чтобы выжить, я согласен был даже на такой позор, как поиски драной собачонки, которая умудрилась затеряться в доме собственной хозяйки. Престарелая вдовушка, потеряв любимицу, до того отчаялась, что, не найдя понимания ни у городской стражи, ни в Управлении городского сыска[1 - Управление городского сыска – подразделение, занимающееся расследованием преступлений, совершенных с помощью магии, убийств и/или случаев, где с высокой долей вероятности замешаны потусторонние сущности (здесь и далее примеч. автора).] в конце концов рискнула нанять мастера Смерти. Да и заплатила более чем щедро, хотя

работы оказалось всего-то на четверть мерной свечи. Только и надо было, что призвать ручного духа, напугать с его помощью шавку до полусмерти. Затем отыскать ее по истошному вою, раздавшемуся откуда-то из подвала, и передать животину в руки расплакавшейся от счастья хозяйки.

Зато теперь я мог целую неделю ни о чем не беспокоиться. Есть в свое удовольствие, спать хоть сутки напролет и починить наконец пришедшую в негодность обувь.

Если бы на моем месте оказался кто-то другой, он наверняка бы сказал, что подобная удача – не что иное, как заслуга хитрюги Абоса[2 - Абос – бог удачи, денежного благополучия, покровитель купцов и богачей.], у которого этим утром было хорошее настроение. А потом обязательно заглянул в ближайший храм[3 - В описываемом мире царит политеизм, а все боги между собой равнозначны. Поэтому храмы строятся по единому образцу, где для каждого из богов устанавливается отдельный алтарь.], чтобы кинуть в благодарственную чашу монетку[4 - Благодарность тому или иному богу можно выразить с помощью подношений. Предпочтительнее таких, приобретению которых способствует покровительство того или иного бога. В частности, Абосу желательно отдать часть полученного с его благословения дохода. Для этого рядом с его алтарем всегда имеется сборная чаша.]. Но верить в благосклонность богов я давно перестал, а сегодняшний заработок считал исключительно собственной заслугой. Поэтому спокойно забрал деньги и, сэкономив на подношении, отправился восвояси.

Перепрыгнув через очередную лужу, я свернул в тесный переулок квартала ремесленников, в самом конце которого стоял нужный мне дом. Добрался до него, проявив чудеса изобретательности, почти чистым, хотя и вымокшим до исподнего. Уже размечтался о горячих пирожках почтенной госпожи Одди, которая сдавала мне комнату и не гнушалась иногда побаловать гостя отменной выпечкой, а также о теплом камине, сухом белье, горячем обеде… как внезапно вынырнувший из-за крыльца мальчишка в синей униформе Управления городского сыска испортил мне все планы.

– Мастер Рэйш! – радостно закричал он издалека и суматошно замахал руками, привлекая внимание.

Я помрачнел и остановился. А пацан, словно испугавшись, что я развернусь и уйду (было такое пару раз, особенно поначалу), опрометью кинулся мне

навстречу.

– Мастер Рэйш! Стойте! Меня послал за вами господин Норриди?!

Естественно. Кто еще, кроме Йена, мог заставить тебя торчать под моей дверью в такую погоду?

– Что там у вас? – без особого интереса спросил я, не торопясь продолжать путь, которому мешала разлившаяся поперек улицы глубокая лужа.

– Пока не знаю. Меня прямо из Управления выдернули! – запыхавшись, доложил мальчишка. – И еще господин начальник просил передать, что это очень важно!

Я тяжело вздохнул.

Вот тебе и пирожки…

Городской сыск, как и обычную стражу, я недолюбливал, но, согласившись на должность внештатного сотрудника УГС, отказываться от работы было поздно. Особенно когда она хорошо оплачивалась. Вызовов, правда, уже давненько не случалось, но теперь, видимо, придется надолго забыть о комфорте и до самой ночи проторчать в какой-нибудь подворотне, любуясь на роскошные пейзажи местных трущоб или наслаждаясь видом очередного выпотрошенного бедолаги, убийцу которого предстояло найти.

Похоже, занятный будет вечерок. В самый раз для такой погодки…

Надеюсь, за мной хотя бы пришлют экипаж?

Глава 1

Забрызганный грязью кэб довез меня до Главной площади, остановившись почему-то не возле входа в Управление городского сыска, а почти напротив, перед воротами единственного в городе храма. И это само по себе было

настолько необычно, что я поначалу усомнился, правильно ли понял мальчишку извозчик. Но потом увидел ошивающихся возле храма зевак, которых не смущал даже непрекращающийся ливень, толкущихся возле распахнутых дверей парней из городской стражи, заметил мелькнувшую среди них знакомую синюю униформу и с удивлением понял, что ошибки нет: в храме действительно произошло что-то плохое.

Интересно, какой дурак додумался грешить в обиталище богов?

Не то чтобы меня это как-то волновало, но большинство жителей Алтории, включая поклонников Малайи[5 - Малайя – богиня ночи, покровительница воров.] и Рейса[6 - Рейс – бог войн и разрушений, покровитель наемников.], не сомневались в неотвратимости божьей кары. И не без оснований. Так что храмы издревле считались неприкосновенными, и только безумцу могло взбрести в голову осквернить один из них убийством. Да еще посреди белого дня.

То, что здесь кого-то убили, было очевидно, иначе городская стража разобралась бы с происшествием самостоятельно – банальные кражи, вымогательство, мошенничество, разбой и все то, что могло быть расследовано без применения магии, находилось в их компетенции. Но раз позвали сыскарей из УГС, значит, без крови не обошлось. И для меня наконец нашлась достойная работа.

Отпустив извозчика и проводив глазами умчавшегося прочь мальчишку-посыльного, который одновременно работал в Управлении и писарем, я без особой спешки добрался до дверей и едва заметно кивнул мгновенно подобравшимся стражникам.

– Проходите, мастер Рэйш, – хмуро бросил один из них, почтительно посторонившись. – Вас давно ждут.

Даже не подумав снять шляпу, с полей которой то и дело срывались тяжелые капли, я отряхнул полы плаща и вошел внутрь, радуясь уже тому, что не придется работать на улице.

В храме было тепло, довольно светло и вполне себе уютно, несмотря на то что с благовониями жрецы явно перестарались. Из-за обилия курительниц воздух казался сухим и колючим. Ноздри то и дело щекотали ароматы трав и пахучих

масел. Под убегающим ввысь стрельчатым потолком лениво плавали клубы сизого дыма. Огромный зал, заполненный многочисленными статуями, возле которых терпеливо ждали подношений богато украшенные алтари, просматривался целиком. И только дальние углы тонули в густой тени, до которой свет подвешенных к балкам масляных лампад практически не доставал.

Проходя мимо воплощенных в камне божеств, я окинул статуи равнодушным взглядом: развалившийся в кресле и нежно поглаживающий пузо своей любимице-жабе Абос, могучий и суровый Лейбс[7 - Лейбс – покровитель ремесленников и особенно кузнецов. Изображается в виде мускулистого гиганта, держащего в руке гигантский молот.], убеленный сединами Сойрос[8 - Сойрос – бог познания. Хранитель мудрости. Покровитель библиотек и любимец студентов. Изображается в виде благообразного старца с посохом в руках и сидящей на его навершии птицей.], улыбчивая и добросердечная Ферза[9 - Ферза – богиня красоты, хранительница очага и домашнего уюта. Покровительница женщин, детей и лекарей. Изображается в виде миловидной женщины, молитвенно сложившей руки перед собой.], бесстрастный Ремос[10 - Ремос – бог правосудия, справедливости.]… ни до кого из них мне не было никакого дела. Как, впрочем, и им до меня. Быть может, только пустой постамент Ирейи будил в моей душе слабое любопытство, но богиня тайн и всевозможных загадок вряд ли согласилась бы нарушить древнюю традицию и показать простому смертному свой божественный лик. Говорят, этой чести не удостаивались даже ее жрецы, так что гадать или задавать вопросы было бесполезно.

Кстати, жрецы тоже находились здесь. Все тринадцать – по числу наиболее почитаемых в Алтории богов. Безликие серые балахоны беспокойно колыхались возле дальней стены, куда служителей богов согнали, как стадо баранов, а теперь обстоятельно допрашивали двое сыскарей. Чуть дальше, остановившись возле алтаря величественного Рода[11 - Род – бог света. Покровитель жизни. Не считается главным в пантеоне, но является одним из наиболее могущественных и почитаемых в Алтории богов. Изображается в виде восседающего на троне великана, который держит в правой ладони солнце, а в левой – луну.], вполголоса спорили между собой заместитель начальника городской стражи – господин Лардо Вейс и мой непосредственный начальник – Йен Норриди.

Первому было лет под сорок. Темноволосый, коренастый и плотно сбитый, словно бойцовый пес, господин Вейс отличался военной выправкой, редким упрямством и сложным характером, который порой доставлял сыскарям немало

проблем.

Норриди в плане сложения выглядел скромнее, хотя отнюдь не был задохликом, и гораздо моложе. Да что там говорить – Йен был всего на пару лет старше меня. Но упрямо выдвинутый подбородок, сведенные у переносицы брови, поджатые губы и яростный блеск в глазах наглядно доказывали, что уступать собеседнику он не собирался. Намокшие от дождя смоляные кудри, безобразной каракатицей облепившие смуглое лицо начальника Управления, сделали его черты еще более резкими, чем обычно, и подчеркивали опасно вздувшуюся вену, ритмично пульсирующую на правом виске, как всегда бывало, если Йен на кого-то злился.

Когда я подошел вплотную, они уже не ругались – просто громко сопели, буравя друг друга глазами, как заклятые враги, и явно не желали идти на компромисс. Да, разногласия между ними случались, если смерть была естественной и не требовала дополнительного расследования, но Йен в такой ситуации отступал сразу и, проведя беглую проверку, отдавал дело городской страже без лишних проволочек. А тут они сцепились на глазах у свидетелей, и это была вторая странность, которая мне совершенно не понравилась.

– Что случилось, господа? – нейтральным тоном осведомился я, по привычке обойдясь без приветствия. – Зачем я вам понадобился? Да еще так срочно?

При виде меня Лардо поморщился, будто вдруг научился чувствовать то, что обычно чувствую я, и ощутил витающий в храме сладковатый аромат смерти. После чего буркнул нечто, напоминающее «здрасти», и отступил на шаг.

– Арт! – облегченно выдохнул Йен, развернувшись в мою сторону. – Тут такое дело… нужно, чтобы ты осмотрел труп и сказал, от чего наступила смерть.

– Кто умер? – без малейшего удивления осведомился я. Конечно, для чего же еще в Управлении нужен мастер Смерти?

– Настоятель храма.

Ого. Жрецы – довольно закрытое общество, в котором имеется своя собственная иерархия. Низшая ступенька – послушники, которые практически не появляются на людях. Затем идут простые жрецы, задачей которых является обслуживание алтарей. А настоятель – весьма важная шишка в жреческом Ордене тоже.

Неудивительно, что Йен так уперся.

– Это самая обычная смерть, – снова набычился Лардо, став еще больше похожим на защищающего хозяйское имущество пса. Даже порыкивать начал, потеряв всякое терпение. А его густые усы встопорщились, будто по ним провели жесткой щеткой. – Старику было далеко за семь десятков! Это не ваше дело!

– Он просил меня о помощи! – огрызнулся в ответ обычно спокойный и уравновешенный Йен. – За мгновение до того, как упал!

Хм. Интересно, сколько они уже так препираются? Да еще над алтарем Рода? И что Йен тут делал во время убийства? Неужто зашел поклониться Ремосу? Не похоже на него.

Господин Вейс чуть не сплюнул.

– Да у него просто прихватило сердце! Даже ваш маг это подтверждает!

– Хог уже здесь? – удивился я.

– Да! Его заключение: естественная смерть от самых что ни на есть естественных причин! – зло подтвердил Лардо. – А твой начальник вместо того, чтобы со спокойной совестью отдать нам дело, до сих пор утверждает обратное…

У Йена на скулах заиграли желваки.

– Арт, я хочу, чтобы ты осмотрел тело, – твердо сказал он, взглянув мне в глаза. – Хотя бы потому, что инструкции знаю не хуже некоторых. Мастер Хог провел предварительное обследование и сказал свое веское слово, но… сам понимаешь: я должен знать точно.

Ну да. По закону в сомнительных случаях дать окончательное заключение о причине смерти может только маг Смерти. А поскольку в городе я такой один…

Я пожал плечами и, приметив светлую макушку помощника городского мага, склонившуюся над лежащим возле одного из алтарей телом, отправился выяснять подробности.

Настоятель лежал на левом боку, почти уткнувшись носом в основание алтаря. Левый локоть, придавленный весом его собственного тела, до сих пор оставался согнутым, а ладонь – прижатой к груди и плечу, словно старик хотел от чего-то защититься. Его правая рука бессильно упала сверху, запутавшись пальцами в разноцветных кисточках подпоясывающей рясу веревки. Обутые в сандалии ноги были чуть согнуты в коленях… ну, насколько позволял алтарь, конечно… темно-коричневая ряса смялась. Но ничего подозрительного, что могло бы навести на мысль об убийстве, я не заметил.

Когда мои грязные сапоги поравнялись с головой мертвеца, Гордон Хог – опытный маг Жизни и по совместительству внештатный сотрудник обоих наших Управлений – неприязненно буркнул:

– Рэйш, опять ты? Тебя-то зачем позвали?

– Откуда узнал, что это я? – флегматично отозвался я, присаживаясь рядом с телом на корточки. – Ты даже головы не поднял. Или успел отрастить глаза на затылке?

– Только у тебя хватило бы наглости завалиться в святое место, не вытерев как следует ноги, – хмуро ответил коллега, отбросив назад лезущую на лицо прядь светлых волос. Недоброжелательный взгляд серых глаз на мгновение оторвался от трупа и задержался на моей мокрой шляпе. – Да еще и находиться здесь в головном уборе. Рэйш, у тебя что, совсем нет ничего святого?

– Причина смерти? – не удостоив его ответом, поинтересовался я.

Хог скривился, словно отхлебнул прокисшего пива, и с явной неохотой, но все-таки поделился информацией:

– Сердце у старика прихватило. Ничего необычного. Не твой профиль.

– Не возражаешь, если я проверю?

– Да пожалуйста, – фыркнул он, вставая. – Норриди совсем с ума сошел, если на такое пустяковое дело прислал тебя. И не лень было сюда переться с другого конца города, а?

– Мне за это платят. А теперь заткнись и отойди. Я должен сосредоточиться.

Не обращая внимания на ворчание быстро удаляющегося коллеги, я снял перчатки и, щелкнув пальцами по массивному серебряному перстню на правой руке, едва слышно шепнул:

– Просыпайтесь, лентяи-и… для вас есть работа…

И вплавленный в серебро крупный рубин тут же вспыхнул, осветив мое лицо кровавыми бликами.

– Что?! Опять?! – возмущенно всколыхнулся воздух перед моим лицом, а мгновением позже над телом настоятеля материализовался полупрозрачный силуэт в неопрятных лохмотьях. Морщинистое лицо, глубоко посаженные глаза, искривленный в злой гримасе рот, гневно вскинутые кулаки… Грем, как всегда, был в своем репертуаре. – Арт, мне почти двести лет, едрить тебя за ногу! И я, между прочим, еще не отошел от визга той мерзкой собачонки! Чтоб ее двадцать раз об угол табуретки! Имей совесть и оставь старика в покое!

– В самом деле, Артур, – укорил меня мягкий женский голос, и следом за брызгающим слюной Гремом из перстня выпорхнула прекрасно одетая дама чуть более чем средних лет. В вычурном парике, завитая по последней моде, с кокетливой мушкой над верхней губой и в ярко-красном атласном платье, где под грудью расплывалось темно-багровое пятно. – Мы же только вернулись. Или у престарелой кокетки снова кто-то потерялся? Уж не муж ли?

– Что делать? – деловито осведомился третий призрак – босоногий пацан с на редкость серьезным лицом, вечно трепаной шевелюрой и следами от трех ножевых ранений на холщовой рубахе. – Артур, у тебя неприятности?

– Полетайте по округе, – вполголоса, чтобы не разбудить дремлющее в зале эхо, велел я. – Посмотрите, что да как. Может, что странное найдете.

– Сделаем, – уверенно кивнул мальчишка и, растаяв в воздухе, умчался выполнять поручение.

– А я не буду! – ожидаемо уперся старик. – Я тебе не какой-то там мальчик на побегушках! В моем возрасте бегать вредно! И вообще, я сегодня уже поработал, пока искал ту блохастую дрянь, посмевшую обгадиться в моем присутствии! Пусть вон теперь Жук отдувается – он молодой, ему не страшно!

– Можно подумать, ты помрешь во второй раз, если чуток напряжешься, – насмешливо заметила призрачная леди Камия… кстати, весьма полезная в некоторых вопросах дама… и кинула на недовольного старика пренебрежительный взгляд. – Или боишься, что развалишься на части больше того, что уже есть?

А потом повернулась ко мне и покровительственно улыбнулась:

– Дорогой, чем тебе помочь?

– Меня интересует все, что может указать на причину смерти, – так же незаметно кивнул я.

– Хорошо, оглядимся.

– А я сказал, что не бу… – Грем в качестве протеста попытался юркнуть обратно в перстень, но в последний момент был удержан ласковой женской ручкой и основательно встряхнут за шиворот.

– А ну, шевелись, старая развалина! – в голосе леди прорезались командирские нотки. – Живо за работу! Не то я упрошу Арта вышвырнуть тебя из перстня и заодно расскажу обо всех непристойностях, которые ты шепчешь мне на ушко, пока никто не слышит!

Гневно засопевший призрак, собравшийся отстаивать свою правоту до победного конца, тут же сдулся.

– Вот гадина… Арт, поверь моему опыту: никогда не доверяй женщинам. Потому что они коварные, двуличные, наглые и беспринципные стер… ой! – Грем с

чувством потер зудящий зад, к которому приложилась изящная женская туфелька. И тут же наябедничал: – А еще они дерутся!

– Правильно, – свела брови к переносице опасно нахмурившаяся леди. – Так что если ты, кобель облезлый, не пошевелишься, я тебе покажу, как любил развлекаться мой покойный… чтоб ему во Тьме несладко жилось… муженек, если его рисковали обмануть подельники!

– Да иду я уже, иду! – страдальчески простонал несправедливо обиженный дух, поспешно отплывая в сторону и пропадая за ближайшей статуей. – Вот ведь разоралась…

– Не волнуйся, Арт, – с заговорщицкой улыбкой повернулась ко мне леди. – Если тут что-то есть, мы непременно найдем.

Я усмехнулся и, проследив за тем, как невидимые большинству присутствующих призраки, препираясь и беспрестанно споря, снуют между статуями, занялся своими непосредственными обязанностями.

Повреждений на теле, как и говорил Хог, не обнаружилось: ни ран, ни синяков, ни даже мелких порезов, которые могли бы остаться после бритья. В ауре тоже не имелось подозрительных следов, которые можно было связать с посторонним воздействием. Ни порчи, ни сглаза, ни проклятия, ни наведенной магии, ни даже крохотного клочка отрицательных эмоций, которые навели бы на мысль о преднамеренном убийстве. И ни единого следа маскирующей магии, позволяющей думать, что место преступления старательно подчистили.

Судя по ауре, на старика в последние пару месяцев никто даже не разозлился. На него не воздействовали физически или магически. Он не носил при себе амулетов. В его теле не осталось следов каких бы то ни было ядов… уж в чем в чем, а в этом я разбирался прекрасно. И был готов поклясться, что настоятель чист, как горный хрусталь. И мертв, как тот камень, на котором остывало его бездыханное тело.

Помня о словах Йена, я все же приложил правую ладонь к груди мертвеца, пытаясь нащупать место, откуда жизнь стала уходить первой. Но так же, как и Хог, был вынужден признать, что настоятель действительно умер от обычного сердечного приступа. Причем смерть наступила относительно недавно – вторая

мерная свеча едва успела догореть, когда меня нашел мальчишка-посыльный, так что иные причины полностью исключались: воздействие маскирующей магии сохраняется как минимум сутки. Так что господин Вейс был полностью в своем праве.

– У нас ничего, – кратко доложил о результатах осмотра вынырнувший из ниоткуда Жук, подтверждая мои выводы. – Ни крови, ни шлейфа недавней смерти, ни каких бы то ни было других следов. Храм чист, Арт.

– Спасибо, я понял, – задумчиво кивнул я, поднимаясь на ноги и возвращая призраков на место.

Йен, увидев мое лицо, почему-то помрачнел. Лардо, напротив, с торжествующим видом пригладил усы. На лице Хога появилась пренебрежительная усмешка, и…

Честно говоря, я не собирался этого делать. Призывать свои силы лишь для того, чтобы кого-то успокоить или, напротив, кому-то подгадить, не в моих привычках: дар не для этого предназначен. Да и дело казалось ясным как божий день. Но все случилось само собой. В тот самый миг, когда я поднял голову и взглянул на бога, у чьих ног лежало мертвое тело.

Фол… мрачный повелитель ночи и покровитель тех, кто решил положить свою душу на темный алтарь. Неприветливый. Хмурый. Жестокий. Острый стилет, который он держал острием вниз, за тысячелетия успел отведать немало крови. Фола ненавидели. Ему приносили жертвы. Перед ним преклонялись за силу и безоговорочную власть над человеческими душами. Страшились его гнева. Но при этом боялись его благословения едва ли не больше, нежели кровожадности Рейса.

Странно, что душа настоятеля, на плече которого был вытравлен символ солнца[12 - Солнце – знак бога жизни Рода.], вдруг решила отлететь под тяжелым взором ее вечного противника. Странно, что старик САМ стремился к Фолу, хотя, казалось бы, должен был искать упокоения у своего бога или хотя бы умереть на пути к нему. Что же заставило его просить снисхождения у несговорчивого владыки ночи? Он ведь не зря упал возле ЭТОГО алтаря?

Я неосторожно взглянул в глаза каменного божества и на бесконечно долгое мгновение провалился в густую тень. Храм и все присутствующие в нем тут же

исчезли. Алтарь ухнул куда-то вниз и пропал в непроглядной тьме, окутавшей мир удушливой черной пеленой. Опора под ногами тоже исчезла, лишив меня понимания, где пол, а где потолок. Перед глазами заметались полупрозрачные силуэты… так быстро, что их невозможно было разглядеть. А потом послышался шепот… навязчивый, сводящий с ума и ядовитой песней вливающийся в разум.

Он отравлял мысли. Ввинчивался острым сверлом в память. Заставлял видеть то, чего никогда не было в моей жизни. Зато было в жизнях тех, чьи души проносились мимо меня с устрашающей скоростью: кровь, боль, вереница стремительно меняющихся, искаженных до неузнаваемости лиц, сотни глаз, до краев наполненных страданием, тысячи рук, безжалостно выкрученных в мучительном спазме. Распахнутые в беззвучном крике рты, искалеченные тела, изрубленные останки, над которыми звучал все тот же неумолимый шепот… горький, безумный… шепот множества голосов, в каждом из которых слышалось бесконечное отчаяние. То самое, что поневоле заставляло задержать взгляд на мелькающих лицах и увидеть обстоятельства, приведшие этих несчастных сюда, к своему хозяину и повелителю. Могущественному богу, в царство которого я только что имел неосторожность вторгнуться.

К такому нелегко привыкнуть. Правда. Далеко не у всех получается сохранить рассудок, впервые шагнув во Тьму. И совсем уж редко встречаются те, кто, ощутив царящий там холод, не только не утонул в этом липком плену, но и сумел выбраться из него самостоятельно.

У меня в свое время получилось. Да и сейчас я растерялся лишь на долю мгновения. Просто потому, что, находясь в храме, не ожидал от Тьмы такого коварства. А затем привычно стиснул зубы и, отстранившись от голосов, вернулся в обычный мир, заставив горестно стонущие тени развеяться в пустоте. После чего потер отяжелевшие веки и, подняв на стоящих неподалеку людей потяжелевший взгляд, оскалился.

Все верно – от меня опять шарахнулись, как от прокаженного. Наверное, сегодня Тьма закрутилась особенно плотно и злорадно похлопала полами моего плаща, нагоняя страху. Голосов, конечно, никто не слышал – это «удовольствие» доступно лишь мне одному, но хватило и того, что мои волосы под низко надвинутой шляпой заискрились серебром, кожа на лице побледнела больше обычного и покрылась тонкой сеточкой синеватых вен, а глаза, которые в обычное время выглядели бледно-голубыми, превратились в два мутных бельма с крохотными точками резко сузившихся зрачков.

Неприятное зрелище. Согласен. Но сделать уже ничего нельзя – седина очень прочно обосновалась в моей шевелюре с девятнадцати лет, когда я впервые ощутил на губах горький привкус магии Смерти. А что касается кожи и глаз… ну, кто-то однажды сказал, что маги Смерти настолько часто прогуливаются по грани, что с годами становятся похожими на тех, чьи души они тревожат. В чем-то это, конечно, преувеличение, а в чем-то, пожалуй, в этом есть и определенная доля истины. Мы же не зря так сильно меняемся, когда обретаем силу?

– Что-то нашел? – дрогнувшим голосом спросил Йен, когда мой гнетущий, все еще частично обращенный во Тьму взор остановился на его бледном, но решительном лице.

Я перевел взгляд на труп, не зная, как объяснить, что даже сейчас не чувствую в нем ничего плохого. Но именно тогда-то и обнаружил ЭТО – вытравленную на лбу настоятеля печать… перечеркнутый крест-накрест круг. Знак отрицания Рода. Знак отрицания самой жизни. Сочащийся Тьмой символ Смерти.

Я такой видел однажды – учитель показывал на одном из своих неудавшихся убийц. И хоть этот знак казался бледнее и менее четким, чем тот, что я видел на оживленном мастером Этором трупе, сомневаться не приходилось – на лице отца-настоятеля стояла такая же метка. Та самая, которую видит посланница Фола, когда подыскивает очередную жертву. И которую я смог разглядеть лишь тогда, когда Тьма наложила на мои веки зыбкую пелену прозрения.

Печать Смерти никогда не появляется сама по себе. Ее не нанесет любопытный подросток, случайно заглянувший не в ту книгу. И не поставит обозлившаяся на изменника-мужа супружница. Знак Смерти – это вызов… или, если хотите, призыв. Прямое обращение к владыке ночи, природа которого не имеет ничего общего с магией. Это скорее молитва. Истовая, на пределе сил и человеческих возможностей. Ее нужно знать как читать и кому из богов посвящать. И для нее надо иметь определенное мужество: потревожить покой Рейса или Фола – на это далеко не всякий безумец осмелится. А уж давать указания любимице последнего, не имея на то разрешения свыше… уф. Даже я бы, наверное, не рискнул, хотя в равнодушии богов к нашим мирским делам уже не раз успел убедиться.

Тем не менее кто-то заклеймил старика, привлекая к нему внимание Смерти. И если бы не я, об этом никто и никогда бы не узнал – рассмотреть подобные знаки

могут лишь те, кто научился заглядывать за грань. Способен видеть так, как видит Она. Нас ведь не зря зовут мастерами Смерти – мы у Нее на особом счету. А значит, Йен был прав: настоятеля все-таки убили. И Вейсу тут больше нечего делать.

– Что? – встревоженно подался вперед начальник УГС, когда я помотал головой. – Арт, что ты увидел?!

– Забирай дело, старик наш, – хрипло велел я, надевая перчатки.

– Рэйш, ты сошел с ума! – чуть не задохнулся от возмущения Лардо.

– Ты уверен? – нахмурился Йен, и я кивнул. – Тогда извини, Лардо, – ты знаешь правила.

Господин заместитель начальника городской стражи тихо зарычал, собираясь продолжить бесполезный спор, но потом взглянул на мое уставшее лицо, выразительно скривился и раздраженно бросил:

– Мастер Артур Рэйш… как лицо, назначенное начальником городской стражи вести данное расследование, я обязан услышать официальное заявление специалиста по магии Смерти: готовы ли вы подтвердить, что имеете основания для принятия такого странного решения?

– Да, – сухо кивнул я. – Господин Барро получит рапорт завтра утром.

– Хорошо. Тогда дело ваше, – отступился Вейс и развернулся к выходу. – Но учтите: покрывать вас, если ты ошибся, я не буду.

– Спасибо, Арт, – тихо обронил мой непосредственный начальник, когда раздраженный Лардо вместе со своими людьми покинул храм.

Я только фыркнул.

– За что? За то, что лишил тебя общества мягкой подушки и на всю ночь запер в храме с остывающим трупом какого-то старикашки?

– Я его знал, – еще тише ответил Йен, повторно сминая пальцами уже дважды пострадавшую от его непонятной нервозности шляпу. – И поверь мне: если отец Нил попросил кого-то о помощи, значит, она действительно была ему нужна…

Глава 2

Рабочий день, как я и предсказывал, закончился уже в сумерках – сыскари дотошно допросили прихожан, многие из которых оказались чрезмерно словоохотливыми; облазили весь храм сверху донизу, поговорили со жрецами, составили все необходимые протоколы, взяли показания у случайных свидетелей и, нагрузившись бумагами, вернулись в Управление. Благо оно находилось через площадь от места преступления.

Я, потратив целый вечер на написание обещанного рапорта, засиделся до темноты.

По сложившейся традиции меня никто не дергал – знали, что ничего хорошего в ответ не услышат. Но я все равно закончил с писаниной лишь тогда, когда остальные уже разошлись по домам.

Переться в квартал ремесленников – одному, в темноте да под моросящим дождем – откровенно не хотелось, тем более что экипажа на этот раз мне никто бы заказывать не стал. Переночевать у друзей тоже не было возможности… как, собственно, и самих друзей – кто ж согласится делить кров с мастером Смерти? Веселой вдовушки, готовой закрыть глаза на мои недостатки, в моем окружении тем более не маячило. Поэтому, когда в холле появился мальчишка из ближайшего трактира, нагруженный снедью по самые уши, и с пыхтением поднялся на второй этаж, я с готовностью последовал за ним и нагло заглянул в кабинет своего непосредственного начальника.

– Ты еще здесь? Решил не мокнуть понапрасну, раз уж с рассветом все равно сюда возвращаться?

Йен стоял возле окна, за которым все так же упорно барабанил дождь, и неподвижным взглядом следил за тем, как медленно вступает в свои права ночь.

Дома его, как и меня, не ждали: в свои тридцать с небольшим лет начальник городского сыска не успел обзавестись супругой и даже постоянную пассию еще не завел. Родители его остались где-то далеко. Друзей за те несколько лет, что его перевели в Верль, он так и не нажил. Серьезных врагов, впрочем, тоже. Так что я не особенно удивился, узнав, что Норриди частенько ночует на работе.

Вот и сегодня его почему-то не тянуло бродить по раскисшим улицам. Оставленный мальчишкой ужин терпеливо ждал на столе. На подоконнике виднелась початая бутылка вина. Но, судя по бокалам, так и оставшимся стоять на полке в шкафу, дело до него пока и не дошло.

– Отец Нил пришел ко мне три года назад, – задумчиво обронил Йен, не оборачиваясь. – Именно тогда, когда я больше всего нуждался в совете.

Я понятливо кивнул, закрыл за собой дверь и, уловив умопомрачительный запах жареных куриных крылышек, бесцеремонно занял стоящее возле стола кресло.

– Тогда я еще только обустраивался на новом месте. Гордился своим назначением и толком не понимал, что и как надо делать, чтобы Управление заработало как надо…

Я согласно угукнул и, покопавшись в принесенной снеди, выудил оттуда самый аппетитный, на мой взгляд, кусок.

История Йена была мне хорошо известна: он прибыл в Верль за полтора года до меня, получив распределение сразу после окончания одного из столичных университетов. Для молодого виконта не самого знатного рода это назначение было большой удачей… по крайней мере сам Йен считал ее таковой. Энтузиазма у него тогда было хоть отбавляй. Сил и желания что-то делать – еще больше. Его переполняли мечты, надежды и благородные устремления. Так что он приехал на окраину Алтории, абсолютно уверенный в том, что перевернет всю судебную систему с ног на голову и покажет наконец всем «как надо».

Увы. Столкнувшись с реальностью и едва не расшибив об нее лоб, он довольно быстро осознал, что нахрапом такие вершины не берутся. Долго скрипел зубами, выслушивая витиеватые объяснения чиновников, не желавших оснастить Управление городского сыска современным оборудованием или хотя бы новой формой взамен того рванья, что было раньше. Задыхался от возмущения, раз от

раза слыша одни и те же фальшивые заверения, что «будет сделано все возможное, но вы должны нас понять – городская казна совсем оскудела…». Злился до белых мушек в глазах, видя, что этих зажравшихся свиней не интересует ничего, кроме набивания собственных карманов. Разбивал кулаки в кровь, с пеной у рта доказывая бургомистру, что для нормальной работы Управлению ТРЕБУЕТСЯ весь указанный в правилах штат сотрудников. А потом бессильно выл на луну, получив великодушное пожелание «поискать сотрудников где-нибудь самому»…

Надо признаться, после трех лет отчаянной борьбы с городским начальством Йен все же сумел кое-чего добиться: новую форму ему все-таки выдали, зарплату сотрудникам чуть-чуть, но повысили, развалившиеся инструменты со скрипом заменили, скудный ремонт в помещениях Управления, куда раньше было страшно зайти, провели… но за это из молодого начальника выцедили столько крови, что порой я был готов его пожалеть. И ведь не сломался парень. Выдюжил. Даже не озлобился больше необходимого и все так же трепетно относился к своей работе, как и раньше.

За что я его, собственно, и уважал.

– А ты знаешь, что это именно он посоветовал мне обратиться к тебе? – внезапно повернулся от окна Йен.

Я чуть не подавился крылышком.

– В каком смысле?

– Отец Нил сказал, что если я хочу сделать все как надо, то должен предложить тебе работу, – с самым серьезным видом повторил начальник и, цапнув с подоконника бутылку, поинтересовался: – Будешь?

Я поморщился.

– Нет.

– Ах да… я забыл, что у тебя обет, – ничуть не смутившись, отставил вино Йен и уверенно потянулся к курице. – Так вот, когда я уже был готов опустить руки и,

плюнув на все, уволиться к бабушке Фола, он меня навестил, сказал, что у него было видение, и предрек, что в городе скоро появится человек, который решит многие мои проблемы. Причем он был настолько убедителен, что я решил повременить с крайними мерами и дал себе полгода сроку. А буквально через пару месяцев в Верле появился ты… седой, как дед, с безумными глазами и приметным кольцом на пальце, по которому тебя и опознали.

Я покосился на массивный серебряный перстень на правой руке и фыркнул.

– И что с того? Артефактные кольца – обязательный атрибут мастеров Смерти.

– Толковые мастера Смерти не появлялись тут лет десять, – резонно возразил Норриди.

– И правильно. За последние три года в этой глуши произошло всего семнадцать убийств, да и те – обычная бытовуха. О преступлениях, совершаемых с помощью магии, тут даже не слышали – когда в городе всего два мага, да и те – на вес золота, то даже если бы они вздумали кого-то зверски замучить, их все равно носили бы на руках. Остальное, с чем мы работаем, – тьфу. Пьяного мужа такая же пьяная жена толкнула под руку, когда тот спускался с лестницы… двое бродяг решили выяснить, кто где должен собирать подаяние, и один зарезал другого насмерть… в доме милой старушки завелся грозный призрак ее умершего супруга, решившего отомстить ей за давнишнюю измену…

– Если бы ты от него не избавился, госпожа Одди никогда не пустила бы тебя на порог своего дома, – заметил Йен, жадно вгрызаясь в нежное мясо. – Да еще и со скидкой.

– Согласен, – промычал я, присматриваясь к следующей жертве своего разгулявшегося аппетита. – Она неплохая старушка, которая готова не обращать внимания даже на цвет моей шевелюры. Но ты все равно зря пишешь ежегодные заявки, надеясь, что столичное Управление отдаст тебе квалифицированного мага – нас слишком мало.

– Да мне не нужен квалифицированный. Хоть бы какого завалящего прислали… ты ведь не навечно в Верле? И что я буду делать, когда ты уедешь?

– Понятия не имею, – равнодушно откликнулся я. – Но я бы тоже не согласился здесь работать, если бы ты не пообещал платить вдвое больше того, что получает за свои услуги Хог.

– Так вот почему он тебя терпеть не может, – со смешком заметил Йен. – Но разве дело только в деньгах?

Я невозмутимо кивнул:

– Конечно. Они с бургомистром ненавидят меня лишь за то, что я слишком много, по их мнению, получаю.

Начальник УГС скептически оглядел мои поношенные сапоги, такую же поношенную шляпу, которую я привык не снимать даже в помещении, и хмыкнул.

– Да. Я гляжу, ты просто купаешься в роскоши!

Я усмехнулся.

– Причем с самого рождения. Так что ты делал сегодня в храме?

– Зашел проведать отца Нила, – снова помрачнев, вздохнул Йен. – Я заглядывал к нему иногда. Спрашивал совета. Но он сказал, что видений больше не было, зато ему уже несколько дней как-то тревожно… а потом схватился за сердце и простонал, что ему нужна помощь. Я не понял, чья и зачем – настоятель почти сразу упал. А когда я попытался его поднять, оттолкнул мою руку и пополз прочь. В храме было много прихожан… кто-то закричал, кто-то испугался… началась суета, в которой на мой значок, естественно, никто даже не взглянул. Почти сразу подбежали жрецы и стали помогать отцу Нилу… но их он тоже почему-то прогнал. Держался за сердце и говорил, что что-то упустил. А потом добрался до статуи Фола и умер, едва не отдав жизнь на его алтаре.

– Странное поведение для отца-настоятеля…

– Потому-то я и просил тебя его проверить. Что ты нашел?

Я коротко рассказал про печать и добавил:

– Сама смерть действительно была естественной – сердечный приступ… да и кто бы сомневался: в таком-то возрасте? Вот только случилось это раньше положенного срока, потому что Смерть не принимает отговорок от тех, на ком стоит ее печать. Помечен – значит, умрешь. Как последователь Рода отец Нил, возможно, знал, когда должно было прийти его время, и понимал, что умирает не в срок. Наверное, именно это он хотел тебе рассказать?

– Думаешь, он знал убийцу?

– Не исключено, – качнул головой я. – Но призвать его дух, чтобы расспросить об этом, невозможно: жрецы, прошедшие посвящение, сразу уходят к богам, и вернуть их обратно нам не под силу. Надо искать того, кто поставил метку.

– Я где-то слышал, это могут делать только мастера Смерти… – нейтральным тоном заметил Йен.

Я понимающе усмехнулся.

– Вообще-то для этого достаточно иметь нужные знания и пройти посвящение одному из темных богов. Если он даст разрешение на призыв Смерти, никаких проблем – будь ты хоть булочником, хоть простым бродягой, то избавляйся от врагов и не бойся, что тебя утянут следом за ними. Расплачиваться, правда, будешь уже на том свете и не по обычному тарифу, но то уже дело десятое. Если же тебя интересует моя персона в качестве главного подозреваемого, то спешу огорчить – посвящения я не проходил и в любой момент готов это доказать.

Йен поморщился.

– Если ты сейчас предложишь мне искать на тебе метку темного бога, получишь в морду.

– Если ты не прекратишь задавать идиотских вопросов, я пороюсь у себя в памяти в поисках обряда наложения печати и поутру пойду кому-нибудь срочно посвящаться.

– Зачем ждать утра? – вяло полюбопытствовал он. – Иди сейчас, раз уж все решил.

– Неохота шляться по дождю, да еще и посреди ночи. Зато когда я поставлю на тебе такую же метку, как на отце-настоятеле, ты очень быстро помрешь. А я потом с чистой совестью спляшу какой-нибудь злодейский танец на твоей могиле.

– Душу-то не жалко? – скептически приподнял одну бровь мой… если не друг, то как минимум неплохо знающий меня человек.

– А какая разница, если душа будет посвящена… ну, например, Рейсу? Что бы со мной ни случилось, никто, кроме него, ее уже не заберет.

– Логично, – признал Йен, потянувшись за второй порцией крылышек. – Значит, нам всего лишь надо найти того, кто прошел посвящение кому-то из темных богов и знал, как поставить печать.

Я пренебрежительно отмахнулся.

– Тогда можешь записывать в подозреваемые добрую треть населения города.

– Ну не у всех же есть необходимые знания!

– А они тебе разве об этом расскажут?

Йен наморщил нос и неохотно признал:

– Ты прав. Каждого из них придется не только проверять, но еще и обыскивать дома. А поскольку большая часть этих личностей живет по заветам Малайи, то до многих тайников мы в жизни не доберемся. Даже если очень постараемся.

– И это при том, что убийца мог быть вообще не местным. Скажем, явиться в город на пару дней и уже благополучно его покинуть.

– Арт, ты просто режешь меня без ножа!

– Ничего, сейчас еще и пытать начну… ты в курсе, что поставить метку можно и на расстоянии?

– Чего?! – растерянно замер Норриди, не донеся до рта очередной кусок курицы. – Бездна! Хочешь сказать, убийца мог и не появляться тут вовсе?!

– Угу. Особенно если он все-таки маг. Так что хоть мы и забрали это дело, но зацепиться в нем пока не за что.

– А след? – нахмурился Йен, вернув недоеденное крыло на место. – Ты ведь можешь найти убийцу по следу!

Я отрицательно качнул головой.

– Если бы это было возможно, я бы сделал это сразу. Но я могу выследить только тех, кто непосредственно контактировал с жертвой. Того, кто нанес удар или спустил тетиву лука, вонзил нож или бросил смертельное заклинание… в остальных случаях мой дар бесполезен. Да и не было рядом с телом таких следов. Да и сама по себе смерть была самой что ни на есть обычной. А чужие намерения я, увы, не прослеживаю.

– Что же тогда делать? – окончательно помрачнел Йен, уже не вспоминая об ужине.

Я развел руками.

– Ты из нас сыскарь. Вот и ищи.

* * *

– Ничего не понимаю, – пробормотал Йен ближе к рассвету. Он сидел за столом, с головой закопавшись в бумаги, и все еще упорно пытался найти разгадку там, где, по моему мнению, ее просто не существовало. А именно: просматривал сделанные сыскарями записи, сравнивал показания, изучал отчет с места преступления и без конца грыз гусиное перо, тщетно пытаясь отыскать зерно истины. – Врагов у настоятеля не было… по крайней мере явных. Обиженная супруга тоже отпадает – он никогда не был женат. Детей нет… по крайней мере

до посвящения не сподобился, а потом дал обет безбрачия. Друзей как таковых тоже не имеется. Все его знакомые – либо жрецы, либо прихожане, которые поголовно отзываются об отце Ниле как о хорошем, отзывчивом и добром человеке… кому он вообще мог помешать?!

Очнувшись от дремоты, я сцедил зевок в кулак и, не открывая глаз, заметил:

– Ты преемника его проверил?

– Отец Нил назвал его имя пару лет назад и с тех пор своего мнения не менял. Более того, его выбор был поддержан и принят руководством Ордена[13 - Духовными делами в Алтории занимается жреческий Орден, в котором имеется своя верхушка – совет тринадцати высших сановников, представляющих интересы своих богов, и тринадцать основных лож, куда входят жрецы меньшего сана. Пост настоятеля храма – выборный, из числа наиболее достойных представителей ложи. Решается на совете каждой ложи отдельно и утверждается на высшем совете Ордена.] как единственно верный.

– Может, все-таки остались недовольные?

– Нет, – уткнув нос в показания, пробурчал Йен. – Даже на мой предвзятый взгляд, отец Луг – прекрасный кандидат. Я пару раз попадал на его проповеди и могу засвидетельствовать, что у него талант удерживать внимание толпы. Ну и конечно, истовая вера в свое благое предназначение. К тому же он проходил посвящение Роду, как отец Нил. И по определению не может быть убийцей. Ведь во второй раз пройти посвящение невозможно… я прав?

– В точку, – сонно кивнул я и устроился в кресле поудобнее, намереваясь еще немного поспать. – Тогда проверь тех, кто посвятил себя Фолу, Малайе и Рейсу. А также Ирейе и Солу, если будет желание.

– При чем тут Ирейя? – непонимающе замер Норриди, в очередной раз раздосадованно куснув ни в чем не повинное перо. – Она же богиня тайн. А Сол… он же бог сновидений, а не войны!

– Эта парочка условно относится к темным богам, – лениво отмахнулся я. Мне, как мастеру Смерти, положено было знать своих потенциальных покровителей.

– Фолово семя, – огорченно отбросил изжеванное перо Йен и, отодвинув от себя ворох бумаг, обхватил гудящую голову руками. – Придется их жрецов завтра… вернее, уже сегодня… еще раз вызвать и допросить!

– Согласен, – пробормотал я, лениво покачиваясь на волнах навеянной Солом дремы. – Посмотри, кстати, информацию насчет конфликтов среди прихожан, поищи какого-нибудь неудовлетворенного работой храма посетителя… безумного просителя, возжелавшего получить от Рода что-то несбыточное, но так и оставшегося ни с чем… может, отцу Нилу недавно угрожали? Или он с кем-то ссорился? Куда-то уезжал ненадолго, а вернулся уже с меткой?

– Вот только не надо меня учить, как делать мою работу! Неужели ты думаешь, я забыл, с чего начинается расследование убийства? Поверь, все это годами отработано и четко прописано в наших…

Йен вдруг заметил, как именно я устроился в его кабинете, и взбеленился:

– Эй! А ну-ка убери сапоги с моего стола!

Я поморщился: сидеть в другой позе в кресле было неудобно. А стол Йена так удачно подвернулся под ноги, что менять их положение я совершенно не собирался.

– Арт! Убери сейчас же! – повысил голос Йен, не дождавшись никакой реакции. – Слышишь?!

– Чем тебе не нравятся мои сапоги? – буркнул я, деловито перекладывая одну ногу на другую.

– Тем, что они ГРЯЗНЫЕ!

– Так давай я их сниму?

Йен возмущенно замер, а потом осенил себя простым кругом[14 - Символ бога Рода. Используется как защитный знак от сглаза и порчи.].

– Избави меня боги от созерцания твоих нестираных портянок… если не уберешь ноги, лишу премии!

Я заворчал, но угроза была серьезной. Поэтому пришлось открыть один глаз, смерить бессовестного тирана укоризненным взглядом, убедившись заодно, что его требование останется непреклонным. А потом опустить ноги на пол и без зазрения совести отгрести отвалившуюся от каблука лепуху глины под его же стол. А то еще подметать заставит.

Нет, я, конечно, мог бы переночевать внизу, на хлипком и отчаянно скрипучем топчане в холле. Но во-первых, это было несолидно (что я, бродяга какой, чтобы по углам ныкаться?), во-вторых, скучно (доводить Йена гораздо интереснее), а в-третьих, бесполезно: я гораздо лучше засыпаю не в тишине, а при звуковом сопровождении. И тембр голоса моего непосредственного начальника подходил для этих целей как нельзя лучше. Особенно когда ему вторил мерный шум дождя за окном.

– Арт, твои манеры меня убивают, – бросив на меня уничижительный взгляд, заявил Йен.

Я широко, с подвыванием зевнул.

– Главное, что они делают это быстро. Если бы ты мучился, я бы, наверное, этого не пережил.

– А не пошел бы ты… вниз, – вежливо послал меня в холл господин начальник Управления городского сыска. – Светает скоро, а у нас много работы, которую некому делать.

– И правда, – согласился я и, к удивлению Йена, послушно поднялся с кресла. – Вы тут продолжайте, а я пошел отсыпаться. Надеюсь, в такую рань на улицах будет не много народу и мне не придется уворачиваться от чужих экипажей, мечтая о том дне, когда я смогу купить собственный.

– Что?! – от такого предположения Йен аж подпрыгнул.

– Я свое дело сделал, применения моих талантов пока не требуется, поэтому как внештатный сотрудник Управления, нанятый для выполнения особого рода задач, я могу со спокойной совестью отправляться домой, ожидая, когда вам, господин начальник, снова понадобятся мои услуги… вот, кстати, и дождь немного поутих… так что спасибо за компанию. Я пошел.

– Арт! – возмущенно донеслось мне в спину. – Не смей меня бросать наедине с нераскрытым делом!

Я сделал удивленное лицо.

– Я тебя не бросаю, а честно признаю свое бессилие. Впрочем… за двойной оклад я готов пересмотреть свои взгляды на жизнь и подумать о возвращении.

На лице Йена отразилось напряженное раздумье, за которым я следил с неослабевающим интересом. Но потом он расслабился, обреченно махнул рукой и раздраженно бросил:

– Проваливай. Толку с тебя сейчас и правда никакого. А позволить тебе протирать здесь штаны по двойному тарифу я не могу – бургомистр меня потом живьем сожрет за нерациональные траты. Так что выметайся и помни мою доброту. Когда понадобишься, позову.

Я ухмыльнулся и закрыл за собой дверь. Что ж, попытка не пытка – раньше он часто покупался. Но видно, общение со мной отрицательно сказалось на его характере. По крайней мере просчитывать последствия он стал быстрее и намного лучше, чем поначалу. Ворчать тоже научился отменно. А уж деньги стал считать…

– Скряга, – с нескрываемым удовольствием заключил я и, бодро насвистывая себе под нос, отправился домой.

Глава 3

Проснулся я ближе к полудню. От того, что какой-то мерзавец отчаянно барабанил по входной двери, звонким мальчишечьим голоском требуя меня увидеть. Госпожа Одди, видимо, ушла за покупками, раз не пресекла это безобразие на корню, поэтому бессовестный пацан измывался над моим сном до тех пор, пока навеянные Солом грезы не смыло внезапно проснувшееся раздражение и я не вышел на крыльцо в одних подштанниках, напугав редких прохожих своей помятой физиономией.

– ЧТО?!

– Мастер Рэйш! Вас срочно требует к себе начальник Управления городского сыска! Транспорт уже ждет! – бодро доложил все тот же посыльный и, совершенно правильно расценив зверское выражение моего лица, поспешил испариться. Успев напоследок испуганно пискнуть: – Двойной оклад прилагается!

Я рыкнул (ну что Йену опять от меня понадобилось?!), но потом подумал о деньгах, заметил стоящий у дома экипаж и, признав, что это более чем кстати, отправился собираться.

Ехать пришлось долго – мой дом по стечению обстоятельств находился не просто на другом конце города, но еще и не в самом благополучном районе, где дороги были еще отвратительнее, чем в центре, и для того чтобы оттуда выбраться, хиленькой лошадке пришлось изрядно постараться. И – да, пока мы ехали, дождь таки снова начал накрапывать, по новой заполняя улицы города полноводными реками, а ветер, хоть и не был таким пронизывающим, как вчера, все же заставил меня нахохлиться и пообещать отомстить тому, кто посмел вытащить меня из дома без веской причины.

– Заходи, – мрачно велел шеф, когда я в наискверней шем расположении духа распахнул дверь его кабинета, намереваясь высказать все, что думаю по этому поводу.

Но оказалось, Норриди был не один: на моем законном месте почему-то восседал заместитель Йена – господин Нодли Готж, которого я уважал уже за то, что после отставки прежнего начальника он не побрезговал заняться обучением нового. А рядом на принесенных из соседних кабинетов стульях сидели оба наших штатных сыскаря – Родерик Гун, весьма общительный и довольно

толковый молодой человек, умеющий прощать мои маленькие слабости, а также господин Барни Трант, милосердно соглашающийся вовсе их не замечать. В отличие от Родерика карьеру в Управлении он начал чуть ли не раньше Годжа, но, как и последний, решил продолжить ее под руководством присланного из столицы сосунка. Который, впрочем, за три года ощутимо заматерел и превратился во вполне адекватного управленца.

При виде меня все трое изобразили на лицах нечто вроде «Привет! Чего приперся?», после чего так же дружно встали и вышли, словно я принес с собой скверный запах с ближайшей помойки. Ни «здрасти» тебе, ни «до свидания»… и кому, кроме Йена, я успел отдавить больную мозоль, раз меня игнорируют всем коллективом?

– Арт, не стой в дверях, – поторопил меня Норриди, цапнув со стола рабочую папку и подхватив с вешалки теплое пальто. – Давай на выход. И без лишних вопросов!

Я молча повиновался, отправившись за начальством сперва в холл первого этажа, а затем снова на улицу.

– Садись, – так же мрачно бросил Йен, указав на готовую к поездке штатную бричку. – А теперь слушай и проникайся: у нас еще одно убийство.

Пока мы ехали, а он кратко излагал обстоятельства дела, я сидел и честно пытался «проникнуться». Оказывается, пока я дрых, в городскую стражу заявился некий господин Алек Дроуди и сообщил, что в его подвале находится мертвое тело его пожилой экономки, которое вышеобозначенный господин обнаружил примерно две свечи назад, вернувшись домой после почти суточного отсутствия. Поскольку проживал этот важный и, видимо, состоятельный мужчина за городом, а, кроме экономки, в тот день в доме никого не было… у дворецкого выходной, а больше Дроуди никого к себе не допускал… то послать за помощью оказалось некого. Поэтому он приехал сам, обратившись в городскую стражу лишь потому, что смерть пожилой женщины, как ему показалось, наступила от совершенно естественных причин: бедняжка поскользнулась на лестнице, когда несла в подвал тяжелую корзину с бельем. После чего крайне неудачно упала и свернула себе шею, чем, разумеется, весьма огорчила хозяина.

Многоуважаемый господин Лардо Вейс терпеливо выслушал и записал показания посетителя. Проверил его слова с помощью амулета правды и, как положено, задержал до выяснения обстоятельств. Одновременно с этим отправил на место происшествия своих ребят, чтобы убедились, что тело действительно существует и лежит именно там, где и было сказано. А потом прислал весточку в стоящее по соседству… буквально в соседнем доме… Управление городского сыска. На случай, если господа сыскари тоже заинтересуются и пожелают проверить свои силы.

Ждали, как следовало догадаться, только меня. Вернее, Йен уже отправил на место двоих наших сотрудников, работающих, как и я, по договору добровольного найма, но остальных почему-то нагрузил другими делами. И именно этим объяснялось мрачное настроение присутствующих.

– С чего ты решил, что дело наше? – задал я закономерный вопрос, когда Йен закончил, а управляемая им бричка выкатила из западных ворот города и отчаянно затряслась на ухабах.

– С настоятелем я был прав. А тут – второе убийство за сутки… знаешь, после нескольких месяцев затишья мне кажется это подозрительным.

– Почему же ты тогда не взял Барни или Родерика?

– Сам говорил, что посторонние тебе мешают… к тому же допрашивать там некого – свидетелей нет. С хозяином дома мы уже побеседовали – ничего нового он не сказал, и ребята отвезли его обратно. Пока мы ездим, они доставят в Управление дворецкого и хорошенько его потрясут. Вдруг он что-то знает? А Гуго и Вит осмотрятся на месте и проследят, чтобы тело никто не трогал.

Я скептически поджал губы.

– Если там уже потоптались ребята Лардо, твоя забота меня не спасет. Надеюсь, кстати, насчет двойного тарифа ты не шутил?

– Это был самый быстрый способ выдернуть тебя из постели, – ничуть не смутившись, признал Йен, подтвердив наихудшие мои подозрения. – Но если я снова окажусь прав, премиальные получишь в полном объеме.

– И на том спасибо, – проворчал я, с неудовольствием покосившись на унылый пейзаж по обеим сторонам разбитой дороги. – Если бы еще и дождь прекратился…

Йен флегматично пожал плечами: к здешней погоде он привык, тогда как я, проведя все детство и большую часть юности в теплом сухом климате, до сих пор испытывал стойкое раздражение при виде слякоти и затянутого тучами неба. Не говоря уж о том, что бесконечно мокрая одежда, которую негде и не на что было сменить, порой доводила меня до исступления.

Больше мы не разговаривали: мое настроение к общению не располагало, а для того, чтобы размышлять по новому делу, банально не хватало данных. Приходилось бессмысленно таращиться по сторонам, изредка ругаться, когда бричка подпрыгивала особенно высоко, а облегченно вздохнуть только тогда, когда впереди показалась увитая плющом ограда, за которой мелькнул двухэтажный особняк.

Возле гостеприимно распахнутых ворот уже дежурили несколько человек в сине-белой форме городской стражи. Один из них при виде нас как раз что-то вспомнил и, стукнув себя по лбу, умчался в дом, за которым виднелось еще одно небольшое строение. Всю площадку перед парадным входом занимали четыре просторных экипажа, на которых сюда, по-видимому, прибыли люди Лардо. Но двери в дом почему-то никто не охранял.

– Господин Дроуди – успешный делец, занятый в производстве парусины, – сообщил мне Йен, как только бричка остановилась у ворот и мы снова вылезли под моросящий дождь. – Неподалеку от Верля у него есть фабрика, приносящая весьма неплохой доход: королевские заказы, частные поставки… сам понимаешь. К тому же через Ирзу[15 - Ирза – приток Ирассы, одной из крупнейших в Алтории рек. На берегу Ирзы как раз и стоит городок Верль.] выход к главной водной артерии Алтории у него тоже имеется. И возможно, в ближайшее время благосостояние нашего клиента вырастет еще больше, если, конечно, он сможет перебить цены на сходный товар в Лотэйне или Рагорне[16 - Соседние с Алторией страны: Лотэйн граничит с ней с запада, Рагорн с юго-запада.].

– Лотэйн – богатый сосед, – согласился я. – Если Дроуди сумеет там закрепиться… но к чему ты завел этот разговор? Полагаешь, кто-то, позарившись на деньги, стал бы убивать его престарелую экономку вместо того,

чтобы просто надавить на хозяина?

– Я рассматриваю все варианты, – уклончиво ответил Йен, кивая одному из парней Лардо на воротах. Кажется, я его вчера видел. В храме. Приметный такой мордоворот со шрамом на полщеки. Видимо, у городской стражи тоже мало людей, раз они вторые сутки на ногах. – В конце концов, она могла быть убита по ошибке. Или она и есть тот самый способ давления, который мы ищем. А может, это и правда несчастный случай, потому что конкурентов у господина Дроуди в Верле и его окрестностях нет. Сам он заявил, что еще с вечера взял бричку и уехал на фабрику… парни ее уже проверяют. Переночевал прямо там, у себя в кабинете. А вернулся сегодня в обед. Застав свою экономку мертвой, он сильно огорчился, а потом развернул бричку и прикатил в Верль.

– Что ж он охранников не нанял, чтобы следить за порядком?

– Полагался на магию, – пожал плечами Йен, ныряя в калитку и направляясь к дому. – Людям он не очень доверял, поэтому, кроме парочки слуг, внутрь почти никто не заходил. А охрана осуществлялась с помощью специальных амулетов, которых, как говорит Лардо, тут просто не счесть. И которые хозяин дома регулярно заряжал у городского мага.

Я повертел головой и, призвав крохотную толику своей силы, взглянул на каменную громаду дома так, как обычно смотрел во Тьму. Но почти сразу удивленно присвистнул и, прикрыв за собой ажурную калитку, аккуратно последовал за Йеном по узенькой, выложенной небольшими плитками дорожке.

– А знаешь, верю. На ограде, в саду и на доме висит так много любопытных вещичек, что, пожалуй, другой охраны тут не требуется.

– Так серьезно? – приподнял брови Норриди, на мгновение обернувшись.

– В первый раз такое вижу – похоже, хозяин дома помешан на безопасности. Кстати, никуда не сходи с дорожки – тут повсюду разбросаны крайне неприятные сюрпризы.

– Да, нас предупредили. Что еще можешь сказать?

– Ну. – Я ненадолго задумался. – Вдоль ограды висит уйма опознавательных, поисковых и охранных заклинаний. Дикое зверье и птиц они благополучно отпугивают. Человека не трогают, но при пересечении некоей границы дают сигнал в дом. Вероятно, там находится какой-то управляющий амулет. Так что господин Дроуди хоть и беспокоится за сохранность своего здоровья, все же не сумасшедший, чтобы калечить или убивать любого, кто приблизится к его дому на расстояние в сто шагов. С внутренней стороны ограды заклинания дублирующие. Все три вида. А вот в саду…

Я окинул взглядом многочисленные деревья и поздно зацветшие кустарники, коих по обеим сторонам дорожки было просто не счесть.

По обе стороны от дорожки было разбросано несколько предупреждающих заклинаний. Какие точно, не скажу – я в этом деле не спец, но, скорее всего, не смертельные. Так, на случай, если на территории поместья появятся непрошеные гости или кто-то из редких посетителей рискнет проявить неуместное любопытство. Чуть дальше стояли более серьезные штуки, к которым лично я, пока они работают, подходить не собирался – половина из них обладала парализующим действием, а вторая, если я правильно понимаю, была способна серьезно покалечить.

О том, что творилось дальше, можно было только гадать – там столько всего оказалось накручено, что с первого взгляда и не разберешь. Но возле парадного входа было заметно почище… правда, лишь потому, что охранные заклинания кто-то любезно отключил.

– Господин Дроуди обещал сделать это по всему поместью. А еще он утверждает, что защиту за последние двое суток никто и ничто не тревожило. Хог должен был все проверить.

Йен не успел договорить, как двери в дом с тихим скрипом открылись, и оттуда вышел худощавый светловолосый парень в синей униформе УГС. На редкость отзывчивый и удивительно открытый малый по имени Вит, который при виде нас облегченно перевел дух.

– Ну наконец-то! Господин Норриди, давайте сразу в подвал, а то Гуго уже устал держать оборону вокруг тела! Тут столько желающих его распотрошить, что… приветствую, мастер Рэйш! Мы вас заждались!

Я бесцеремонно выхватил у него из рук несколько исписанных аккуратным почерком листов бумаги и, почти не взглянув на роскошный интерьер первого этажа, тут же уткнулся в записи.

– Итак, госпожа Элизабет Дейбс… шестьдесят восемь лет… не замужем… детей нет, – пробормотал я, машинально следуя за Йеном. – Во всех смыслах одинокая дама. Проживала тут с… ого-го, какого времени! И все эти годы исправно служила у господина Дроуди в качестве экономки. Нареканий не имела. Конфликтов ни с кем не было. О ней отзывались как о замкнутом, но неагрессивном человеке, который всегда стремился избегать конфликтов… короче, ничего интересного.

– Точно. И умерла она так же скучно, – хмыкнул позади меня Вит, заметно понизив голос. – Господа, поворачивайте налево, там будет дверь в подвал. Только будьте внимательнее: лестница очень крутая. Немудрено, что пожилая дама так неудачно навернулась.

Осматривать непосредственно место преступления я не стал – пусть этим Йен занимается, ему по статусу положено. А вот тело меня заинтересовало, поэтому, оставив Норриди обнюхивать ступеньки, я первым делом спустился вниз.

Госпожа Элизабет Дейбс лежала у подножия лестницы, неестественно вывернув шею и уставившись мутными глазами в противоположную от ступенек стену. Была она действительно немолода, но, судя по состоянию кожи на шее и руках, ухаживала за собой более чем тщательно. Фигура, хоть и полноватая, была очень женственной и вполне даже ничего для такого возраста. Не новое, но определенно не дешевое платье сидело на ней безукоризненно. Небольшой воротничок и манжеты выглядели ослепительно-белыми, изящная туфелька на левой ступне соответствовала моде, а тщательно подпиленные ноготки на пальцах определенно говорили о даме как о женщине, которая очень внимательно относилась к своему внешнему виду. Причем внимательно настолько, что даже я не дал бы ей больше пятидесяти.

Неужто в мире есть такие экономки?!

Рядом с телом, опрокинувшись на бок и вывалив на пол все свое неаппетитное содержимое, валялась корзина с грязным бельем. А над ней, грозно сведя брови к переносице и сжав пудовые кулаки, стоял наш второй сотрудник – здоровяк

Гуго. Широкоплечий, с грубоватым лицом, на котором первым делом бросались в глаза не единожды сломанный нос и тяжелые надбровные дуги, он производил своеобразное впечатление. А безусловная преданность начальству и бурное прошлое делали его довольно опасным противником. Особенно если дело касалось выполнения приказов.

Судя по кислой физиономии сидящего на ящике с яблоками Хога, до тела ему добраться так и не удалось: оттащить Гуго от трупа без членовредительства не смог бы даже я. А значит, к погибшей еще никто не прикасался, и это облегчало мою работу в разы.

– Давай быстрее, Рэйш! – раздраженно бросил маг, когда я спустился и не без злорадства отметил его понурый вид. – С самого обеда тут торчу и до сих не могу приступить к осмотру! А все потому, что кто-то слишком долго собирается!

– Ребята, на выход, – шепотом скомандовал я, отворачиваясь от белобрысого коллеги и снимая перчатку с правой руки. – Задание то же, условия прежние.

– Еще один труп? – с любопытством осведомилась леди Камия, на этот раз выпорхнувшая на свободу первой. Бойкий мальчишка, на которого я просто нарадоваться не мог, тоже без лишних разговоров устремился к мертвячке, деловито присматриваясь. И только Грем, кряхтя и почесываясь, выполз на свет с опозданием, не преминув при этом проворчать:

– Опять работа… и опять я должен на кого-то… ого-го-го! – внезапно изменился его голос, а в глазах появился кровожадный блеск. – Да тут у нас мертвая дамочка!

Я чуть не хмыкнул, когда старый вояка встрепенулся и, гордо выпятив едва прикрытую лохмотьями тощую грудь, голодным коршуном набросился на тело.

– Ух, какая сочная! – восхищенно протянул он, жадно уставившись на оголившуюся голень экономки и тут же принявшись ее нежно оглаживать. – И главное, ни словечка против не скажет! Ты только взгляни, какие ножки! А грудь… а бедра… о-о-о, Арт, не волнуйся – я ее щас подробненько осмотрю! Ни единой детали не упущу! Могу даже выяснить, какого цвета на ней панталоны!

То, что руки проходили тело насквозь, призрака совершенно не смущало – важен был сам факт. Более того, этот ненормальный умудрился даже голову засунуть в тело жертвы. Аккурат туда, где находилась ее грудь. И вынырнул обратно с такой блаженной улыбкой на полупрозрачной физиономии, что стало ясно – новое дело ему нравится.

Я кашлянул, проследив за тем, как старый развратник с тихим улюлюканьем снова нырнул в труп, только на этот раз – целиком. Но, покосившись на мрачного мага Жизни, следящего за мной, словно лишившийся добычи падальщик, все-таки смолчал – хорош бы я был, если бы начал вслух обсуждать поведение слуги. Зато леди Камия, увидев, как наш озабоченный призрак принялся азартно ерзать под платьем, отвесила одной из неестественных выпуклостей на теле жертвы звучный подзатыльник.

– Не смей осквернять тело, охальник!

– Да ей уже без разницы! – возмущенно откликнулся Грем, на секунду высунув голову наружу и требовательно на меня посмотрев. – Арт, ну что это такое! Я тут следственный эксперимент провожу, а она…

Спрятав улыбку, я присел возле тела на корточки и, приложив ладонь к груди экономки, сосредоточился.

– Он ее тоже трогает! – торжествующе завопил Грем, тряся своими лохмотьями и обвиняюще указывая на мои пальцы. – Видала?! Он бессовестно щупает ей грудь! Почему ему можно, а мне нельзя?!

– Потому что Арт занят делом! – чуть не задохнулась от возмущения леди. – А ты…

– Я ему в этом помогаю!

– Еще хоть раз сунешь свою поганую морду под чужую юбку, я тебя…

– Да заткнитесь вы оба, – не сдержавшись, буркнул я, когда леди Камия в сердцах рявкнула прямо мне в ухо.

– Мы и так молчим, – отозвался вместо нее Гордон Хог, озадаченно переглянувшись с ничего не понимающим Гуго, а призраки, не обратив на посторонних никакого внимания, окончательно сцепились. – Рэйш, ты там, случаем, не спятил? Или голоса умерших покоя не дают?

Я только отмахнулся – что он понимает в голосах? У меня перед носом разъяренная дамочка-призрак таскает за редкие волосенки такого же полупрозрачного старикашку. Тот не уступает и старательно пытается порвать ей лиф… понятно, что лишь для того, чтобы взглянуть на цвет ее белья, но, пока она поймет что к чему, пройдет немало времени. Оба при этом орут так, что у меня уже уши вянут, клочья призрачной одежды усеяли весь пол, обрывки волос медленно кружатся в воздухе… хорошо, что, кроме меня, этого никто не видит.

Узнав все, что хотел, я поднялся, прошелся по подвалу, старательно прислушиваясь к себе и пытаясь понять, нет ли где настоящего следа, но потом разочарованно скривился и, борясь с желанием заткнуть уши, великодушно кивнул Хогу:

– Я закончил.

– И это все?! – не поверил маг Жизни. – Я ждал тебя полдня лишь для того, чтобы ты поводил тут ладошкой, прогулялся вокруг трупа, а потом милостиво позволил нам доделать остальное?!

Я вместо ответа призвал Тьму, коротко взглянув на лежащее на полу тело. Почти не удивился, обнаружив на лбу экономки точно такую же метку, как у отца Нила. Неохотно признал, что чутье у Йена все-таки есть. А потом пристально взглянул на Хога и осведомился:

– У тебя есть по этому поводу какие-то возражения?

Под моим тяжелым взглядом светлый смешался и поспешил отвести глаза.

– Э-э…

– Тогда работай и доложи потом Йену о результатах.

– Арт, тут ничего нет, – тихо-тихо прошептал вернувшийся со своего задания Жук. – Я все осмотрел, но, кроме женщины, в последние сутки тут никого не было.

Я едва заметно кивнул, взглядом указывая на перстень, и мой юный помощник, о присутствии которого я уже года два как не жалел, с улыбкой ввинтился в неярко засветившийся камень. Тогда как оставшиеся двое все еще продолжали буянить, выясняя отношения. Правда, без членовредительства.

– О чем именно и кто из вас должен мне что-то доложить? – услышав свое имя, торопливо спустилось по лестнице начальство.

Хог сделал вид, что не услышал, подчеркнуто уделяя все внимание трупу, а я, старательно игнорируя бушующий поблизости скандал, кратко пересказал свои наблюдения.

– Значит, все-таки метка… – помрачнел Норриди. – Плохо. А причина смерти?

– Банальнее не бывает: экономка действительно свернула себе шею…

– Подтверждаю, – хмуро откликнулся снизу маг, привычно и умело проводя осмотр жертвы. – Других повреждений на теле нет. Раны и ссадины – только те, что можно получить при падении с лестницы. Следов магии тоже не видно… разумеется, кроме той, что пронизывает сам дом. Но, как и сказал Дроуди, ни одно из охранных заклинаний потревожено не было. Из этого следует, что женщина действительно находилась здесь одна и всего лишь неудачно оступилась на лестнице. Если бы не тяжелая корзина, экономка, возможно, отделалась бы вывихом лодыжки или простым ушибом. Но дама, судя по всему, несла свою ношу из последних сил, почти волоча по полу, поэтому когда поскользнулась, то ударилась туфелькой о боковину и потеряла равновесие. Затем скатилась вниз, стукнувшись пару раз о перила и потеряв вторую туфельку… вон она, кстати, под лестницей лежит. В результате падения леди вполне закономерно сломала себе шею и благополучно скончалась. И случилось это, если я правильно понимаю, вчера утром. Примерно в то же время, в какое умер отец Нил. Ко мне еще вопросы есть?

Мы с Йеном переглянулись.

– Лестница чистая, – вполголоса обронил он. – Одна ступенька немного прогнулась в центре, но следов умышленного повреждения нет.

– Признаков наведенной магии я тоже не нашел, – так же тихо ответил я. – Как и в храме, здесь нет ни атакующих заклинаний, ни шлейфа от них, если ее вдруг ударили на улице, ни маскирующих заклятий. Никто сюда не входил и никто не выходил. Смерть совершенно обычная… если не считать одной-единственной детали.

– Хочешь сказать, мы имеем на руках два одинаково непонятных трупа без единой зацепки?

– Ну… мы же еще не все осмотрели?

– Гуго, когда господин маг закончит, займитесь телом, – велел Йен, сделав несколько пометок в своей папке. – Тело завернуть и доставить в наш «холодильник». Людям Лардо сообщить, что дело теперь наше, и забрать у них материалы. Вы опись закончили?

– Да, командир, – пробасил здоровяк, вытянувшись во фрунт. – Дом, сад, ограда, место смерти… осталось только тело. Вит как раз собирался им заняться.

– Хорошо. Я хочу взглянуть на комнату, в которой жила эта женщина, а ты, Арт…

Я невозмутимо развернулся к лестнице и, щелкнув ногтем по камню в перстне, тем самым призывая обратно разбуянившихся призраков, заявил:

– Я иду с тобой.

– АРТУР РЭЙШ! – дружно обернулись ко мне не успевшие доругаться духи. – Не смей от нас избавляться таким варварским способом!

Я только хмыкнул: я их что, упрашивать буду? Щас.

Под моим взглядом призраки побледнели, начав стремительно истаивать. Заодно лишились голоса. Обнаружив этот прискорбный факт, погрозили кулаками. Наконец растаяли полностью, продолжая костерить меня до самого

последнего мига, и только тогда рубин перестал светиться.

– Э-э… вообще-то я хотел попросить тебя подождать снаружи, – удивился моему решению Йен. – Но если тебе любопытно…

Я согласно кивнул и, вернув перчатку на место, поднялся наверх, пока у него не созрели неудобные вопросы.

Как выяснилось, непонятное строение, замеченное мной еще при входе, оказалось обычным домиком для слуг со всеми необходимыми для проживания удобствами. Крохотная гостиная, кухня, уборная, небольшая спальня. Потрепанный, но еще справный ковер на полу, красивые кружева на креслах, не успевшие завянуть цветы в вазе на подоконнике, со вкусом подобранные занавески, мягкая постель, на поверхности которой не имелось ни единой складочки, наброшенный сверху легчайший балдахин… для экономки, пожалуй, чересчур роскошные апартаменты. Которые, впрочем, смущали не столько своей дороговизной и чрезмерным для служанки шиком, сколько тем, что в них не чувствовалось человеческого присутствия.

Обычно помещение, в котором живет женщина, буквально дышит духом хозяйки. Это чувствуется в том, как расставлены на полках книги, как развернуты к свету цветочные горшки, как небрежно отложено на кресло неоконченное вязание или чуть сдвинута в сторону штора, закрывающая вид на цветущий сад… но здесь этого не было. Нигде. Женская забота присутствовала, потому что госпожа Элизабет действительно иногда здесь бывала, иначе цветы на подоконнике давно бы завяли, да и пыли на полу скопилось не в пример больше. Однако по-настоящему она жила в другом месте. Точнее, в другом доме. Поэтому, едва заглянув внутрь, я решительно потянул Йена за рукав и негромко бросил:

– Не трать время. Лучше давай еще раз поговорим с господином Дроуди. Мне кажется, он не все тебе рассказал…

Глава 4

Хозяин дома обнаружился в кабинете на втором этаже и встретил нас не слишком ласково. Вид у него, когда мы вошли, был несколько потерянный и даже, я бы сказал, убитый, однако он очень быстро овладел собой и, поднявшись из-за стола, учтиво осведомился:

– Чем могу быть полезен, господа?

Пока Йен представлялся и расшаркивался, я внимательно изучал нашего собеседника: немолодой, седовласый, с осанкой уверенного в себе человека, проницательный и, судя по жестким складкам в уголках рта, довольно упрямый. При этом ухоженный, если не сказать что холеный. С властным, не лишенным красоты лицом. Ничуть не обрюзгший и почти не утративший резкости движений, свойственной всем энергичным, решительным людям.

Когда Йен заговорил о возможных конкурентах, господин Дроуди даже глазом не моргнул – в данный момент эта тема его не беспокоила. Угроз, анонимных или явных, как он нас заверил, в его адрес за последнее время не поступало. Подозрительные личности в окружении не появлялись. Поставщики не подводили, скупщики только наращивали объемы заказов, и вообще семейное дело активно развивалось.

Однако как только разговор зашел о госпоже Дейбс, хозяин дома моментально замкнулся. Его седые брови дрогнули, тонкие губы плотно сжались, а на лицо легла непроницаемая маска. При этом прямого ответа на тщательно завуалированный вопрос Йена он так и не дал. Тот факт, что домик в саду не жилой, никак не подтвердил, но и не опровергнул. Демонстративно пропустил мимо ушей пару скользких намеков. И даже когда Норриди упомянул о том, как именно умерла экономка, в его глазах ничто не изменилось, а голос остался таким же ровным и бесстрастным, как раньше.

Наконец мне надоело ждать, пока они перестанут ходить вокруг да около, выписывая словесные пируэты. Поэтому я просто встал и, мысленно послав всех подальше, задал интересующий меня вопрос, что называется, в лоб. На что господин Дроуди окатил меня поистине ледяным взглядом и, не меняя тона, скупо заметил:

– Мне кажется, вы превышаете свои полномочия, господа. Моя личная жизнь никого, кроме меня, не касается.

– До вашей личной жизни нам нет никакого дела, – заверил его я, проигнорировав предостерегающий знак от Йена. – Но вчера в вашем доме была убита женщина…

Йен беззвучно ругнулся.

– Убита?! – впервые дрогнула маска господина Дроуди, и на мгновение из-под нее проступило нечто, напоминающее боль.

– Небезразличная вам женщина, – с нажимом добавил я, дерзко глядя ему в глаза. – И наша задача – как можно быстрее установить, почему это произошло.

На лбу хозяина дома пролегла глубокая морщинка.

– Прошу прощения, господин Норриди… – Он устало потер переносицу. – Я не совсем понял вашего коллегу… вы тоже полагаете, что Элизабет была убита?!

Йен кинул на меня испепеляющий взгляд и осторожно ответил:

– Мы не уверены. Но вероятность этого события очень велика.

– Я должен знать точно! – неожиданно вышел из себя господин Дроуди, резко поднявшись из-за стола и уперев в него горящий диковатыми огнями взор. – Вы обязаны рассказать мне все!

И вот тогда я наконец смог увидеть, какой он на самом деле. Не сдержанный и хладнокровный, как мгновение назад… о, нет… сейчас в его глазах бушевал такой пожар, что об него можно было обжечься. Неистовый, взрывной, просто ураган эмоций. Но при этом КАК он ее называл по имени… с какой теплотой, тревогой и одновременно нежностью…

– Нам очень нужно осмотреть комнату, где жила Элизабет, – быстро сказал я, снова встряв без разрешения. – Мы понимаем, что вам сейчас очень тяжело, но это может помочь в расследовании.

– Да что вы понимаете… – горько усмехнулся господин Дроуди, остыв так же быстро, как и вспыхнул. А потом покачал головой и, прикрыв веки, так же горько

добавил: – Хотя сейчас это не имеет значения: ее ведь больше нет. Так какая теперь разница, что скажут обо мне люди?

– Господин Дроуди…

– Идемте. – Хозяин дома, словно что-то для себя решив, быстро направился к выходу. – Я покажу вам комнату. И расскажу все, что вас интересует. Но взамен я хочу знать, что стало известно о ее смерти. И почему вы считаете, что она была… неправильной. Мы понимаем друг друга, господа?

«Ну спасибо тебе, Арт!» – мелькнуло злое в глазах Йена. Хотя вслух он ответил совсем иное. Я же сделал каменное лицо и, мудро не став давать никаких обещаний, вышел из кабинета.

Ее настоящая комната оказалась такой же небольшой, как та, что мы видели в саду, но намного более уютной. И располагалась здесь же, на втором этаже, совсем недалеко от библиотеки, поскольку, как обмолвился по дороге господин Дроуди, его мнимая экономка всегда была неравнодушна к книгам.

– Ей было девятнадцать, когда я впервые ее увидел, – задумчиво обронил он, открывая перед нами дверь. – Шел сильный дождь. Было ветрено. Она сидела возле одного из причалов, прижимая к груди полупустую котомку, и горько плакала, а я в это время пробегал мимо, стремясь как можно быстрее добраться до навеса. Наверное, я бы не остановился – у меня было много забот, потому что отец считал, что чем раньше передаст мне дело, тем больше я успею в него вложить… но, когда мы поравнялись, ветер вырвал из ее рук платок и швырнул мне прямо в лицо.

Перешагнув порог, мужчина окинул взглядом пустую комнату и, неожиданно шагнув в сторону, снял с полки аккуратно сложенный, искусно вышитый платок нежно-голубого оттенка.

– Она замерзла до дрожи. До нитки вымокла. Ей было некуда идти, поэтому я ее… пожалел. – Он со вздохом поднес платок к лицу и коснулся его губами.

– Лотэйнийский шелк, – безошибочно определил я. – Но вышивка старая – сейчас такую уже не делают. Добротная, кстати, вещь. И очень долго сохраняет первоначальный цвет.

Йен подозрительно покосился в мою сторону, а я огляделся и с некоторым удивлением обнаружил, что в комнате довольно много вещиц из этого недешевого материала. Изящный шарфик, забытый на крючке возле входа, просторная накидка с отделанным кружевами капюшоном, совершенно новенькая подставка под вазу с цветами, тонкий плетеный шнурок, идущий вниз от закрепленного на стене колокольчика…

– Элизабет родом из Лотэйна, – ответил господин Дроуди на мой невысказанный вопрос. – Она приехала сюда совсем одна. И сильно тосковала по родине, поэтому каждый год… в день нашей с ней первой встречи… я привозил ей небольшой подарок из ее родной страны. Сорок девять лет подряд. И она это ценила.

– У нее были какие-нибудь враги? – поспешил отвлечь его от воспоминаний Йен. – Может, недоброжелатели? Завистники? Просто люди, которые желали ей зла?

– Элизабет практически не выходила из дома, – покачал головой хозяин дома. – Она не любила людей. И вообще старалась как можно меньше бывать на улице. Смешно сказать, но она боялась открытых пространств. Избегала новых лиц. Поэтому я оградил ее от всего мира, построил вокруг нее крепкую стену и сделал все, чтобы она ни в чем не нуждалась.

Ага. Понятно теперь, почему комнатка такая маленькая. А дом, напротив, такой большой.

– А как давно она стала бояться выходить на улицу? – прищурился я.

– Сколько я ее знал. Из-за этого мы и переехали за город. Почти сразу после того, как стали близки. И поэтому же, кроме дворецкого, который служил еще моему отцу, я почти никого сюда не пускал.

– А в последнее время в поведении Элизабет ничего не изменилось?

– Абсолютно. Она была счастлива здесь. – На лицо господина Дроуди набежала легкая тень. – И каждый день благодарила меня за то, что я смог подарить ей это чудо.

– За ограду она не выходила? – снова спросил Йен.

– Вообще к ней не приближалась. Все, что Элизабет знала, – это дом и наш сад, в котором ей было спокойно и хорошо.

– А как же работа по дому? – озадачился я. – Если у вас не было слуг, то неужели Элизабет делала все сама? В таком огромном особняке?

– Нет, конечно, – невесело усмехнулся мужчина. – Мы широко используем бытовые амулеты: для чистки, уборки, мытья и даже стирки. Поверьте, у меня достаточно средств, чтобы позволить себе тратить их на то, что я считаю нужным. И я часто бываю в столице, где хватает молодых пытливых умов, желающих подработать на создании принципиально новых артефактов. Я у них частый гость, плачу деньги, а через время получаю результат… у меня в доме стоит единственная в Верле и, наверное, во всей Алтории машина для стирки белья. Громоздкая, пожирающая прорву заряда у амулетов, зато исправно чистящая одежду и не заставляющая никого портить руки щелочью. Есть амулеты, поглощающие неприятные запахи. Амулеты, позволяющие ухаживать за старой древесиной. Амулеты для сбора пыли, воды, грязи… амулеты для защиты и охраны… осветительные, предупредительные, атакующие, парализующие… да каких только нет! Я столько денег на них потратил, что Элизабет почти не приходилось работать по дому! Разве что готовить. Но готовить она как раз любила, и я не стал лишать ее этой радости, заводя личного повара.

Мы с Йеном снова переглянулись.

Как занятно… но, наверное, это и есть любовь?

– Значит, посторонние в вашем доме не появлялись? – уточнил Йен, медленно пройдясь по комнате.

Господин Дроуди покачал головой:

– Практически нет. А если кто и бывал, то Элизабет сразу уходила к себе и не появлялась до тех пор, пока за гостем не закроются двери. Она жила уединенно и очень тихо. Родных у нее не осталось. Друзей и близких тоже. В богов она не

верила. И даже молитв из ее уст я ни разу за это время не слышал. Все, что у нее было, это я…

Он вдруг сжал челюсти и отвернулся.

– Простите за беспокойство, господин Дроуди, – вежливо откланялся Йен, цепко ухватив меня за локоть и знаком показав, что за первое же слово убьет меня на месте, причем особо жестоким способом. – Благодарим вас за сотрудничество. Вы очень нам помогли. Как только что-нибудь выяснится, мы непременно вам сообщим.

Опечаленный мужчина кивнул и даже не стал требовать выложить все детали расследования немедленно. Просто отпустил и прикрыл за нами дверь.

Хотя, наверное, его можно понять – почти полвека прожил с теткой душа в душу, берег ее от всего мира. Можно сказать, был ее единственной опорой, а сегодня вернулся домой, и вдруг – бац! Она мертва! Он все утро метался из угла в угол, не зная, что делать, потом носился из Управления городской стражи к нам и обратно, старается держать лицо, хотя сил даже на то, чтобы просто казаться спокойным, не хватало. Тем временем в его доме шарится толпа посторонних, во дворе гадят чужие кони, ухоженный газон топчут грязными сапогами… А потом приходим мы и заявляем, что любовь всей его жизни не просто свернула себе шею на лестнице, а ее, оказывается, могли убить.

Ох и нелегкий денек сегодня выдался у господина Дроуди!

Однако по поводу амулетов я бы не отказался с ним поговорить – это ж золотая жила, если правильно приложить к ней руки и голову! Но Йен был настойчив и явно зол. Причем настолько, что пообещал урезать мне оклад, если я не подчинюсь и не уберусь из этого дома вон.

Пришлось смирить любопытство и уйти, мысленно пообещав себе когда-нибудь сюда вернуться. Потом кучу времени прождать, пока он закончит с осмотром остальных помещений. Затем долго трястись в бричке по пути в Управление. А едва зайдя внутрь, наткнуться на мрачного, как грозовая туча, Готжа и услышать от него раздраженное:

– Не спешите раздеваться: у нас еще один труп…

* * *

Всю дорогу до очередного места преступления Йен упорно молчал. Вернее, сперва он все-таки завел неприятный разговор и, не особенно стесняясь в выражениях, высказал все, что думает о моих методах дознания.

Ему, как выяснилось, не понравилось открытое вмешательство в ЕГО дело и тот факт, что из-за моей бесцеремонности мы могли лишиться ценного источника информации. Дескать, если бы господин Дроуди не был так расстроен смертью своей… ну, пусть будет экономки… то после моей выходки он мог вообще отказаться сотрудничать. Огласка отношений в его ситуации нежелательна, а настаивать ввиду отсутствия улик и показаний амулета правды мы не имели права. Так что если бы Дроуди уперся и накатал жалобу бургомистру, всему нашему Управлению грозила нехилая плюха от городского начальства. По мнению Йена, я едва не послужил причиной большого скандала. Не говоря уж о том, что поставил под угрозу тайну следствия, посмел не проявить должного сочувствия к чужому горю и вообще вел себя неподобающе.

Когда я заметил, что Йен несет чушь, он обиделся. Когда я напомнил, что именно тот факт, что мы надавили на свидетеля, помог немного прояснить ситуацию, он обозлился. А когда я спросил, чего же Норриди на самом деле испугался – последствий для Управления или же лично для себя, – Йен и вовсе рассвирепел. После чего ледяным тоном потребовал от меня соблюдать субординацию, а потом демонстративно отвернулся и до самого места назначения не произнес ни единого слова.

Да. Иногда его клинило. Но, как правило, Йен быстро отходил. Поэтому я не стал ничего доказывать. Я поступил так, как посчитал нужным, не думая о возможном скандале, чужом неудовольствии или чьих-то пораненных чувствах. И раз это принесло положительный результат, то все остальное не имело значения.

Разве нет?

Дом следующей жертвы располагался на Базарной улице, совсем рядом с Торговой площадью – так называемым «центром города для бедных». Площадь в буквальном смысле была торговой, с самого утра там надрывали глотки

продавцы, кудахтали куры, мычали коровы, визжали свиньи и скромно лежали свежие овощи на прилавках.

Я там появлялся редко – зачем, если я питаюсь в дешевых трактирах? А вот госпожа Одди заглядывала частенько и по вечерам любила поворчать на задранные до небес цены, невоспитанных продавцов и мелких воришек, которых на таком хлебном месте всегда водилось в достатке.

Нужный дом располагался буквально в двух шагах от площади – унылое, давно не крашенное здание, один взгляд на которое навевал беспросветную тоску. Зато он был построен из камня, а не простого дерева. И даже в два этажа. Забор вокруг него недавно подновили, немногочисленные деревья в крохотном саду явно подстригли, да и занавески на окнах висели чистенькие. Так что не исключено, что в доме недавно сменились жильцы и просто не успели привести его в порядок.

А еще возле ограды я заметил знакомую фигуру заместителя начальника городской стражи, который отпустил штатный экипаж буквально за миг до нашего приезда и вот-вот собирался войти в дом.

– Опять вы? – устало спросил он, увидев нас и повременив с визитом к хозяевам. – Все трупы в свой «холодильник» собираете? Может, я вообще отзову людей, чтобы они не делали вашу работу?

– Было бы неплохо, – хмуро бросил Йен, выбираясь из брички. Дождавшись, когда из второго экипажа высадится остальная команда, так же хмуро кивнул им и скомандовал: – Рэйш, отправляйся в сад. Осмотри тело. Родерик, ты с ним – оглядишь все и занесешь в протокол. Барни – за мной. Мы пока займемся родителями. Гуго, Вит… вы – как обычно. Все, разошлись.

Он дернул плечом и, едва не толкнув Лардо, прошел в дом. Мог бы, правда, и не ходить – начальнику вообще не обязательно самому везде присутствовать. Но Йен есть Йен. И он пока не избавился от некоторых заблуждений юности. Поэтому мы с парнями понимающе переглянулись и разошлись куда послали.

– Я с вами, – вздохнул Лардо, увязавшись за мной и Гуном. – Заодно, так сказать, введу в курс дела. Родители, как ты понимаешь, сперва обратились к нам…

– Что произошло? – осведомился я, проходя на задний двор и распахивая ведущую в сад калитку.

– Несчастный случай… да-да, очередной! И не надо на меня смотреть с таким скепсисом! Девочка просто играла в саду, забралась на дерево, но не удержалась и…

Я чуть не споткнулся, увидев место преступления: раскидистую яблоню, окруженную забором из коротких, мне по пояс, заостренных кольев. Прислоненные к ним ящики, позволяющие без проблем забраться на ствол даже ребенку. Поломанные ветки, на которых дозревало несколько десятков яблок. И совсем еще маленькое тельце, обвисшее на импровизированном заборе и проткнутое насквозь аж в двух местах.

Глядя на медленно развевающееся платьице, на котором расплывались кровавые пятна, беспорядочно спутавшиеся золотистые волосы, перехваченные на лбу ярко-красной лентой, и остекленевшие глаза на кукольном личике, мне впервые за последние десять лет захотелось выпить.

– Когда? – только и спросил я, изучив труп.

Лардо принялся нервно теребить свой ус.

– Примерно свечу назад. Родители услышали крик, выбежали из дома, а она уже висит… девочку звали Лори. Ей было восемь. Говорят, колья сняли со старого забора неделю назад: решили сделать новую ограду. Выбросить сразу не решились – думали, может, где пригодятся. А она просто играла. День-другой-третий… отец сам помогал их вкапывать… говорил, загородку для собаки сделает. Они ее раньше в доме держали, а тут кто-то повадился яблоки воровать, вот он и решил: пусть какое-то время псина поживет на улице. А теперь у него ни собаки, ни дочки, ни, похоже, яблони больше не будет… с корнями выкорчует, лишь бы никогда не вспоминать. Эх, не зря говорят, что у Фола скверные шутки. Я раньше как-то не верил. А сейчас…

Лардо яростно почесал кончик носа, на который злорадно плюхнулась холодная капля с прохудившихся небес, и встряхнулся.

– Ладно. Работай, Рэйш. Если опять скажешь, что дело ваше, то я сразу сворачиваюсь и не порчу своим людям сон. Если же нет…

Я одернул сбившийся на одну сторону плащ и пошел убедиться, что в отличие от счастливчиков из городской стражи у меня сегодня будет тревожная ночь. Хорошо, если без видений и шепота. Все-таки три смерти подряд – это слишком. Но тут даже духов выпускать не надо, чтобы понять, что никаких следов мы не найдем.

На мой призыв Тьма отозвалась мгновенно, будто только и ждала, пока я открою ей душу. Лениво колыхаясь, сомкнулась вокруг, жадно лизнула кожу, заставив ее похолодеть. Зашептала на ухо сотнями разных голосов. Обняла, запустив ледяные когти под одежду. А потом неохотно схлынула, оставив после себя едкий привкус горечи и непроницаемую для обычного света пленку на глазах. Сквозь которую я совершенно отчетливо увидел горящую на лбу девочки и знакомую до боли печать.

– Понял, уже ухожу, – поднял руки Лардо, когда я повернулся и коротко указал ему на выход. – Счастливо оставаться.

– Я бы тоже ушел, – тяжело вздохнул Родерик, проводив его завистливым взглядом. – Но шеф мне этого не простит. И как ты умудрился довести его до такого состояния?

– Для этого нужен врожденный талант, которым ты явно не обладаешь, – флегматично откликнулся я, отпуская Тьму восвояси, и на всякий случай все-таки попробовал взять след.

Не вышло, естественно. Ну да ничего. Зато не придется вызывать призраков, один из которых сразу же разорется, едва узнав о новом деле, а вторая мгновенно расквохтается. Жуку вовсе смотреть на это не стоит: его в свое время подло зарезали в одном из переулков… незачем лишний раз напоминать.

Я прикоснулся ладонью к шершавой коре и на пробу тронул один из кольев – острый. Потом, обернувшись на строчащего что-то у себя в бумагах сыскаря, тщательно осмотрел тело… мало ли… но, как и в предыдущих двух случаях, ничего толкового не нашел и в задумчивости присел на первый попавшийся ящик.

Что могло связывать пожилого отца-настоятеля – верного последователя Рода и просто хорошего, если верить Йену, человека… с боящейся открытых пространств экономкой и маленькой девочкой, за которой и грехов-то никаких не водилось? Родственные узы? Маловероятно – отец Нил никогда не был женат, у девочки имелись родители, а погибшая женщина вовсе оказалась сиротой. Да и по возрасту они не подходили: для матери восьмилетней Лори Элизабет была слишком стара, а отец Нил к моменту рождения девочки уже давно принял обет безбрачия.

Но тогда, может, они пересекались в храме? На службе? Или были посвящены одному богу? Вот только Элизабет не верила в богов и ни разу не посещала храм. Соответственно, не могла видеться с отцом Нилом. Девочка, быть может, и бывала там когда-то с родителями, но обычно посвящение происходит позже восьми лет. Да и знаков на ее коже никаких не было. Дроуди уверял, что посторонних в дом не водил, поэтому вероятность, что его экономка могла встретить других жертв во время какого-то приема, собрания или иного мероприятия, равнялась нулю.

Тогда где же связь? Где ниточка, которая объединила этих троих и сделала их одинаково значимыми для убийцы?

У них разные сроки смерти… по крайней мере Лори умерла позже… ничем не похожие места и способы гибели… разное окружение и совершенно различные привычки… у них даже положение в обществе разительно отличалось! Храм, богатое поместье, квартал бедняков… все трое только умерли одинаково странно – от самых, казалось бы, обыденных причин. Да еще печать Смерти горела на их лицах обрекающей меткой. А во всем остальном я, как ни старался, не мог углядеть даже малейшего сходства.

Да и кому они могли помешать? Что могли сотворить такого, раз их решили наказать столь необычным способом?

В Алтории нет гильдии убийц, как та, что процветает в соседнем с нами Лотэйне. И Верль отнюдь не слывет негласной столицей преступного мира, чтобы здесь наказывали детей за грехи их родителей. В нашей глуши, где самая большая трагедия – это окружающие город непролазные болота, преднамеренное убийство огромная редкость. Не говоря уж о том, чтобы оно было тройным, да еще в такие короткие сроки.

Разве что это какой-то гнусный рок? Внезапно обрушившееся на город проклятие? Но тогда какого Фола оно поразило троих самых неподходящих для этого случая жертв? У которых к тому же не было АБСОЛЮТНО НИЧЕГО общего?

Я остановившимися глазами уставился на притихший сад, в котором только слышался скрип пера и тихий шелест веток на яблоне.

Не понимаю…

В первый раз за долгое время я совсем ничего не понимал. Отвратительное чувство. Мерзкое. Вот уж не думал, что когда-нибудь испытаю его снова.

– Арт, я закончил, – вдруг тронул меня за плечо поднявшийся с соседнего ящика сыскарь. – Тебе здесь что-нибудь нужно?

Я молча качнул головой.

– Тогда идем. Надо найти шефа…

– Сходи один. Он на меня сегодня злой.

Родерик понятливо хмыкнул и ободряюще хлопнул меня по плечу. После чего пригладил мокрые волосы, отряхнул с формы прилипшие яблоневые листочки и ушел, оставив меня бессмысленно глазеть на пронзенный двумя кольями труп маленькой девочки, по неподвижному лицу которой медленно стекали крупные дождевые капли.

Глава 5

У меня редко бывают сны. Вернее, их практически не бывает, за что, признаться, я почти благодарен Солу. Ведь сон – это зыбкая граница между явью и небытием. Та самая невидимая грань, которая отделяет живых от мертвых. И через которую в наш мир нередко проникают те, кому здесь быть не положено.

Но этой ночью мне не повезло: я проснулся от ощущения чьего-то пристального взгляда. Не враждебного, к счастью, хотя порой всякое бывало. Просто взгляда – требовательного и настойчивого.

Рывком сев на постели, я оглядел погруженную во мрак, скудно обставленную комнату и безошибочно определил причину своего беспокойства: напротив окна, занавешенного толстой шторой, висел полупрозрачный силуэт, который, вероятно, уже давненько дожидался моего пробуждения.

Неожиданный посетитель был молод, хорош собой и выглядел так, словно только-только вернулся со светской вечеринки: деревянная трость с искусно выполненным набалдашником, расшитый золотом камзол, безупречно белые кружева на воротнике, строгого покроя и чрезмерно зауженные книзу бриджи, которые вышли из моды еще лет семь назад. Короткие светлые волосы гостя были тщательно завиты и аккуратно уложены. На благородном лице лежала печать грусти. Синие глаза смотрели внимательно, но в них, как и всегда, не было ни намека на раздражение: он пришел сюда не обвинять. И не требовать правосудия, которое в его случае пока не свершилось.

Убедившись, что гость не опасен, я расслабился и с досадой буркнул:

– Давно тебя не было, Лен…

По губам призрака скользнула печальная улыбка.

– И ты здравствуй, братишка.

– Зачем пришел? Мне показалось, мы все решили.

Он улыбнулся снова, но с места почему-то не сдвинулся. Гордость отца, любимец матери, подающий большие надежды молодой водный маг, на которого можно было только равняться… когда-то Лен был старше меня на восемь лет, однако теперь мы с ним почти ровесники. Его лицо за эти годы ничуть не изменилось и все так же несло в себе фамильные черты, которые были и для меня когда-то родными. Одно время сходство было настолько явным, что наше братство выглядело неоспоримым. Теперь же мои волосы стали седы, как у столетнего старика, некогда синие радужки выцвели от постоянного всматривания во Тьму, лицо огрубело, голос охрип… а у него на горле кровавой улыбкой расцвела

безобразная рана, оставленная стеклом от разбитой бутылки.

– Ты же нашел убийцу, Арт, – снова, как и во все прошлые наши встречи, тоскливо повторил он. – Все обвинения были сняты. Чего еще тебе нужно?

– Найти заказчика, – желчно ответил я, на мгновение сузив глаза, на которые без спросу легла тонкая пелена Тьмы. – Не для того я гнил в тюремной камере, чтобы теперь отступиться.

– Прошло столько лет, Арт… следы давно остыли.

– Не для меня, – сухо ответил я, чувствуя, как в душе снова тугой пружиной скручивается ненависть. – Не начинай, Лен. Я обещал и завершу начатое хотя бы ради себя, раз уж тебе стало безразлично.

Он тяжело вздохнул, не в силах понять моего упорства, а потом, как и всегда, с сожалением отстал.

– Как знаешь…

Я тут же встряхнулся.

– Зачем ты явился, Лен? Не поверю, что из простого любопытства.

– Вообще-то меня попросили.

Чего?! Интересно, кто это вдруг явился к моему покойному брату со столь необычной просьбой?

Я нахмурился, изучая сквозь полупрозрачное тело Лена причудливый рисунок на шторах. И совсем не ожидал, что из-за его спины робко выглянет детское личико в обрамлении густого облака золотистых волос, а тоненький голосок жалобно пискнет:

– Пожалуйста, не сердитесь, господин маг. Он пришел к вам из-за меня.

Я замер, когда рядом с неловко переступившим Леном появилась маленькая девочка. В коротеньком платьице, на котором все так же виднелись два безобразных багровых пятна, окаймляющие дыры от кольев; с фарфоровым личиком, пухлыми щечками и ярко-алой лентой в волосах, при виде которой у меня чуть волосы не встали дыбом.

– Лори?!

– Здравствуйте, господин маг. – Полупрозрачная кроха присела в неуклюжем реверансе. – Простите, что мы вас побеспокоили. Я просто хотела сделать вам подарок.

Я вздрогнул, когда девочка улыбнулась, отчего застывшие на ее подбородке капельки крови качнулись в сторону, а затем подошла и, сняв с головы ленту, с невероятно серьезным видом протянула:

– Возьмите, господин маг.

Я раздраженно дернул щекой.

– Зачем?

– Она вам поможет, – все с той же невероятной серьезностью заявил ребенок. – Пожалуйста, возьмите.

– Лори, ты же знаешь…

Бездна! Как объяснить девчонке, что она мертва, а ее подарок – не более чем блики лунного света, играющие на моей ладони? Открою глаза – и их не станет. Сожму пальцы в кулак, и они не ощутят ничего, кроме легкого холодка. Или она не помнит о том, что мертва? Еще не поняла? Не увидела? Не захотела?

– Остановите это, – вдруг сказала девочка, глядя мне прямо в глаза. А потом поднесла зажатую в кулачке алую ленту к самому моему лицу и медленно разжала крохотные пальчики. – Прошу вас. Времени почти не осталось…

Шелковая повязка, змеей извернувшись в воздухе, так же медленно полетела на пол.

Я машинально подставил руку, на миг опустив глаза, чтобы убедиться, что подарок на моей ладони не задержится. Невесело улыбнулся, когда ленточка, коротко вспыхнув, исчезла. А когда снова поднял голову, в комнате уже никого не было. Ни Лена, ни Лори… никого, кроме меня. И таящейся за окнами ночи, наполняющей царящую вокруг пустоту вкрадчивым шепотом дождя.

* * *

Естественно, в эту ночь я больше не уснул. И думать ни о чем другом уже не смог. Лори, отец Нил, Элизабет… в голове постоянно крутились вопросы, на которые никак не находилось ответов. Почему именно печать Смерти? Почему именно они трое? Какой в этом смысл? И кому была от этого выгода? Да еще странная просьба Лори, в которой звучало настойчивое предостережение…

Кого или что я должен остановить? И почему именно я? Неужто других кандидатов поблизости не нашлось?

Обычно духи не снисходят до того, чтобы возвращаться в мир живых. Особенно безвинно убиенные. Большинство из них даже не знают, что мертвы, и сразу после смерти отправляются на перерождение, не испытывая ни мук, ни сомнений, ни даже мимолетного сожаления. Боги, как утверждают жрецы, за этим следят строго.

Но Лори зачем-то вернулась. Причем не к себе домой, не к убитым горем родителям, а именно ко мне. Искренне веря, что у меня получится сделать… что? Найти ее убийцу? Кого-то остановить? Наказать? Уничтожить? Почему она сказала, что времени осталось мало? И у кого именно оно истекло? Новая жертва? Нам в самое ближайшее время надо ждать еще один труп? Или тут что-то более масштабное, о чем мы пока не имеем ни малейшего понятия?

Каждый раз, закрывая глаза и вспоминая наш недолгий разговор, я упорно видел перед собой невероятно серьезное лицо умершей девочки. И медленно падающую на пол ленту… совершенно новую, аккуратно сделанную, с безупречно ровными шовчиками по краям, но все-таки обычную девчоночью

ленту, которую родители подарили дочке в честь какого-нибудь важного события.

Вспоминая тот миг, когда она коснулась моей руки, я почти смог ощутить на коже легчайшее прикосновение. Почти чувствовал, как скользит между пальцев гладкий шелк. И смутно понимал, что уже видел такой. Совсем недавно. Буквально вчера. Потому что он был точно таким же, какой господин Дроуди частенько дарил своей погибшей жене…

Лотэйн!

Внезапная догадка озарила мой разум ослепительной вспышкой.

Фол меня забери! Обе вещи были произведены в Лотэйне! Их знаменитый шелк! Одна из тех старинных традиций, которыми можно по-настоящему гордиться! Откуда у обитателей квартала ремесленников нашлись средства на такой дорогой подарок, не знаю, но дочку они явно обожали и баловали как могли. Неудивительно, что лента была ей так дорога. И неудивительно, что малышка носила ее, не снимая!

Ох! Не знаю пока, как это связано, но надо срочно поговорить с родителями! И плевать, что еще не рассвело! Они небось остались в таком ступоре после случившегося, что даже не ложились. А если и легли – ничего, потом отоспятся.

Подхватившись с постели, я быстро оделся, цапнул со стула пояс с метательными ножами и вихрем слетел на первый этаж. Сидеть на месте, дожидаясь утра, я уже не мог – появившееся дурное предчувствие заставляло поторопиться. Что-то делать, куда-то бежать, срочно расспрашивать… что угодно сотворить, лишь бы исчезло мерзкое сосущее чувство под ложечкой.

Правда, оказавшись на крыльце, я все-таки заколебался: собственно, а куда бежать? По идее надо бы в Управление – посмотреть протоколы допросов. Но кто мне их сейчас даст? Маловероятно, что Йен остался ночевать в кабинете снова: он хоть и одержим работой, но не идиот. И спать ему тоже иногда нужно. Из простых сотрудников там никто на ночь не задерживался – у всех семьи, жены, дети… А значит, кабинеты будут закрыты, бумаги заперты под ключ, и я зря потрачу время на ненужную беготню.

С другой стороны, вряд ли кто-то из сыскарей задал родителям Лори те вопросы, которые роились сейчас в моей голове. К тому же дом госпожи Одди находится не так уж далеко от Торговой площади – всего полсвечи быстрым шагом. А до Управления в четыре раза больше, потому что кэб в такую рань в квартале ремесленников не найти.

Нахлобучив шляпу и завернувшись в плащ, я решительно свернул в сторону рынка и, подгоняемый холодным ветром, отправился искать ответы на свои вопросы. А заодно выгнал из перстня своих разнузданных призраков, всерьез пожалев, что не сделал этого вчера. Не стоило мне полагаться на сыскарей Йена и жалеть чувства одного знакомого мальчишки. Не нужно было прислушиваться к брошенным в сердцах словам или идти на поводу у парочки обнаглевших призраков.

Сейчас, конечно, это понимание ничего не изменит – придется исправлять свою оплошность, невзирая на растущее раздражение. Но на будущее стоит учесть – пока я в этой команде главный, она будет работать так, как нужно мне.

Наверное, моя физиономия выглядела настолько зверской, что на этот раз возмущаться никто не посмел – стоило мне только раз взглянуть на недовольную рожу Грема, как он тут же захлопнул готовый разразиться проклятиями рот, а мгновенно переменившаяся в лице Камия цепко ухватила его за локоть и быстрее молнии уволокла прочь. От греха подальше. Один только Жук, беспокойно помявшись рядом, осмелился спросить:

– Ты сердишься, Арт?

Я скривился и, не желая терять время, призвал Тьму.

Вскоре я уже барабанил в обшарпанную дверь знакомого дома, в одном из окон которого даже в это время упрямо горел маленький огонек.

Открыли мне не сразу – мало ли какая шваль по району бродит? Но я умею быть убедительным. Особенно если сильно прижмет.

Судя по всему, к тому времени у меня было совсем уж злое лицо, потому что появившаяся на пороге заплаканная женщина, увидев его, испуганно вскрикнула и осенила себя охранным знаком. Подбежавший на ее крик рослый

мужчина тоже принял меня за душегуба и попытался оказать сопротивление, потянувшись за стоящей в углу дубиной. Но потом увидел мои белесые волосы, заглянул в мутные глаза и схватился за сердце… да, репутация у мастеров Смерти не очень… и даже не пикнул, когда я, отодвинув плечом заклинившую дверь, без спроса зашел в дом.

Они не посмели возразить даже тогда, когда я голодным коршуном промчался по комнатам, вынюхивая и высматривая только то, что может быть интересно мастеру Смерти. Но ни в крохотной гостиной, ни на кухне, ни в комнате девочки ничего подозрительного не нашел. Ничего, кроме пустых кастрюль, старых книг в ужасном состоянии, потрепанных детских игрушек и дешевых безделушек, развешанных на стенах, чтобы хоть как-то разнообразить унылый интерьер.

Единственным более или менее ценным предметом во всем доме была резная шкатулка из потемневшего от времени дерева, нашедшаяся в углу родительской спальни. За нее, возможно, дали бы неплохие деньги, если бы не грубо сколотые углы и не стершаяся по бокам резьба. Нашедшийся под ней деревянный столик тоже смотрелся неплохо, но отломанная ножка, которой никто, судя по всему, не занимался, и треснутый край уменьшали его ценность в несколько раз.

Все остальное – вазы, книги, подушки, половички… выглядело старым и изношенным. Когда-то неплохая мебель – запущенной и неухоженной. Даже одежда на родителях была добротно сшитой, но давно истрепанной. А на подоле женщины виднелись следы аккуратной, однако все же заметной постороннему глазу штопки.

Видимо, когда-то в этой семье был хороший достаток, раз они могли себе позволить дорогие вещи. Да и настоящие книги ни один рожденный в нищете не купит – беднякам они просто не нужны. Не говоря уж о редком виде шелка для любимой дочурки, по поводу которого все еще выглядящая испуганной мать Лори ответила сразу:

– Да. Мы купили ленту на ее восьмилетие. Полтора месяца назад.

– Почему именно такую? Почему лотэйнийский шелк?

Родители странно переглянулись.

– Вы когда-нибудь жили в Лотэйне? – продолжал допытываться я, нутром чуя, что где-то здесь кроется разгадка, и едва не царапая ногтями стены от нетерпения.

Однако отец девочки отрицательно покачал головой и твердо заявил:

– Мы – коренные алторийцы, господин маг, и никогда не покидали Верль. И наша Лори… как и остальные трое деток… родилась здесь.

От такого ответа я на мгновение растерялся, потому что был твердо уверен… да что там: я совершенно точно знал, что не мог ошибиться! Лори не дала бы мне подсказку, если бы тут не была замешана лента. И когда я уже подумал, что ее отец мне нагло солгал, его супруга неожиданно добавила:

– Вообще-то моя мать была родом из Лотэйна, господин маг. Но прожила почти всю жизнь здесь, в Верле.

– Правда? – совершенно искренне озадачился муж. – А я почему об этом в первый раз слышу?

– Она не любила об этом говорить: в Лотэйне ей пришлось тяжело, – извиняюще пояснила мама девочки. – Ты просто забыл, дорогой.

– Мать? – нетерпеливо перебил ее я. – Как мне с ней поговорить?

– Никак, господин маг, – потупилась женщина. – Она умерла два года назад. А полгода назад и отца не стало. Простите. Не думаю, что они могли бы вам помочь.

Так. А вот это уже плохо… где ж мне теперь свидетелей искать?

– Почему ваша мать переехала в Алторию? – спросил я, напряженно размышляя.

– Ну… дед когда-то разводил скот на продажу – в Лотэйне этим многие промышляют. И наша семья жила в достатке. Довольно, насколько мне известно, долго. Однако потом пришел коровий мор, и от поголовья почти ничего не осталось. Мама рассказывала, что дедушка много сил вложил в это дело и еще

больше средств потратил, пытаясь восстановить то, что потерял. Даже влез в долги, надеясь вырастить новое стадо. Но мор пришел в наши земли повторно, все дедушкины сбережения пропали, животные снова погибли, и он не смог рассчитаться с долгами. А потом заболел и слег сам, после чего дела в семье пошли совсем плохо…

– Так ваша мать бежала сюда от долгов? – нахмурился я.

– Да. Когда дедушка умер, то мама с бабушкой, оставшись без кормильца, не смогли выплатить взятую им ссуду, хотя продали почти все имущество. А когда продавать стало нечего, они взяли то, что осталось, и… прошу, не осуждайте их, господин маг. Они и так потеряли почти все. А дедушка просто не пережил позора.

Я задумчиво прикусил губу.

– Я не осуждаю. Но очень хочу понять… сколько лет было вашей матери, когда она сбежала?

– Я не знаю, – внезапно растерялась хозяйка дома. – Может быть, восемнадцать… или двадцать… честно говоря, я просто не помню.

– Но вы сами, сударыня, родились уже здесь?

– Да, – кивнула она. – Мама встретила отца в Триголе. Это…

– Городок на берегу Белого моря[17 - Белое море – море, омывающее северные берега Алтории.], я знаю, – нетерпеливо перебил я. – Недалеко от устья Ирассы.

– Так и есть, господин: Триголь стоит на самом побережье. Там они и встретились. А через несколько лет переехали в Верль, потому что тут гораздо тише и намного спокойнее, чем в большом портовом городе…

– Я понял. Дальше!

Женщина удивленно на меня посмотрела:

– А дальше все, господин маг… они прожили тут всю оставшуюся жизнь и, насколько я помню, никогда отсюда не уезжали. Мама плела кружева для богатых леди, отец работал где придется…

– Вы знакомы с Алеком Дроуди, сударыня? – снова перебил я ее.

– Нет, господин маг.

– А вы? – вопросительно обернулся я к мужу.

– Нет. Хотя, возможно, что-то и слышал… его имя вроде бы носит какая-то фабрика на том берегу Ирзы?

– Вы его видели? Говорили с ним? Может, работали на него?

Мужчина невесело усмехнулся.

– Я простой плотник, господин маг. И ничему иному не обучен. Вообще этого Дроуди в глаза не видел. Слышал только, что чудак он порядочный. Но чтобы лично… нет. Я его не знал.

– Хорошо, – протянул я. Эх, Йена бы сюда… он бы точно сумел задать правильные вопросы. – А с отцом-настоятелем Нилом вы не были знакомы? Вы часто посещаете храм? Молитесь? Спрашиваете у жрецов совета?

Оба родителя тут же виновато опустили взор, словно я уличил их в чем-то неприличном.

– Чтобы о чем-то просить богов, нужно что-то отдать взамен, – очень тихо уронила мама Лори. – А мы небогатые люди. Все, что у нас есть, это наши дети. Я только за них и ходила помолиться владычице Ферзе. Последний раз – восемь лет назад.

– Я захожу иногда, – пожал плечами ее супруг. – Оставляю Абосу и Лейбсу по монетке, когда есть. Отца Нила, конечно же, видел, но чтоб прямо к нему обращаться… нет, господин маг. Я бы не осмелился. А почему вы спрашиваете?

– Скажите, сударыня, а ваши родители могли знать этих людей? – предпочел не услышать вопроса я.

– Сомневаюсь. Мама никогда не упоминала таких имен. Да и в храме-то бывала нечасто. Может, конечно, я чего-то не знаю… она очень редко говорила о богах и о прошлом… но по крайней мере в нашем доме эти люди точно не бывали.

– А кто-то из вашей семьи проходил посвящение в храме?

– Насколько мне известно, нет. Отец уважал Лейбса и Ремоса, мама молилась только Ферзе, как и я… дочку мы еще не успели сводить в храм – ей еще год оставался до того, как…

Мать неожиданно умолкла и отвернулась, закрыв кривящееся лицо руками. Безутешный отец, сжав челюсти, крепко ее обнял, стараясь поддержать. А я тяжело вздохнул: и тут тупик.

Что дальше?

* * *

До храма мне удалось добраться еще через свечу, когда небо на горизонте отчетливо заалело, а на улицы начали выползать заспанные работяги. Из числа тех, кому положено убираться, вывозить мусор, а также печь пироги и замешивать тесто для хлеба.

С кэбом на этот раз повезло – я успел перехватить двуколку почти на выходе из ремесленного квартала, поэтому избавил себя от необходимости месить оставшуюся после вчерашнего дождя грязь. И оказался на Главной площади ровно в тот момент, когда один из жрецов открыл двери храма, впуская внутрь редких в столь ранний час прихожан.

Бесцеремонно отодвинув с пути какую-то пожилую матрону и оставив на пороге несколько сочных лепух глины с каблуков, я буквально ворвался внутрь и, поймав жреца за рукав, требовательно придержал:

– Святой отец, не уделите мне немного времени?

Обритый наголо мужчина в серой рясе смерил меня хмурым взором, особенно задержавшись на мятой шляпе и забрызганном плаще. Открыл было рот, чтобы попросить соблюдать негласные правила обители богов, но затем наткнулся на мой раздраженный взгляд и смолчал. После чего оглядел меня с головы до ног, что-то оценил, взвесил и наконец неохотно бросил:

– Идемте.

Небольшая келья, в которую он меня привел, была предназначена для личных бесед жрецов с прихожанами. На случай, если люди желали поделиться со служителями чем-то сокровенным или просто важным. Я про такие знал, но в силу определенных обстоятельств в последние лет десять близко к храмам не подходил. И, смею надеяться, когда разберусь с убийством отца Нила, еще столько же тут появляться не буду.

Двери у кельи не было – только плотная занавеска при входе. Сама комнатушка оказалась маленькой – всего четыре на пять шагов. Этого как раз хватило, чтобы внутри поместились две лавки, стол и небольшой комод, на котором горела кем-то заботливо зажженная лампада.

– Что вам угодно… мастер? – с небольшой запинкой обратился ко мне жрец. Изрядно немолодой, но еще крепкий мужчина с жестким лицом, суровой складкой между сведенных у переносицы бровей, тонкими губами и бесцветными глазами наемного убийцы… или же просто человека, которому в силу профессии приходится часто видеть смерть.

Я спокойно выдержал его взгляд, ставший на мгновение особенно острым, и так же спокойно ответил:

– Я хочу поговорить об отце-настоятеле Ниле.

– Зачем? – ровно осведомился жрец.

– Для того, чтобы выяснить, кто или что его убило.

– У вас есть какие-то доказательства того, что его смерть не была естественной?

Я холодно улыбнулся:

– Печати Смерти вам достаточно, чтобы мне поверить?

У жреца на миг дрогнули зрачки, а потом он тяжело вздохнул и перестал наконец пытаться проделать во мне дырку.

– Прошу прощения, мастер… вероятно, Рэйш? – едва заметно дернулся у него уголок рта. – Других магов вашей специальности в Управлении городского сыска вроде бы не появлялось. Простите мое недоверие. Возможно, вам известно больше, чем мне. Но мне как жрецу доступны не все умения, которыми обладают люди вашей профессии…

Он служит темному богу? Любопытно. Хотя мне в общем-то все равно, с кем разговаривать.

– Я не могу сказать о смерти отца Нила что-то плохое, – продолжил жрец, не заметив, как хищно раздулись мои ноздри. – Он был очень пожилым человеком и давно говорил, что его время подходит к концу. Даже преемника назначил заранее. Поэтому я не сильно удивился, когда отец-настоятель скончался, и даже не подумал бы сомневаться в выводах городского мага или его помощника. Вот только предчувствие… вам знакомо ощущение, что что-то вокруг вас идет неправильно, мастер Рэйш?

Я молча кивнул.

– Тогда вы меня понимаете. Правда, о печати мне не было известно, поэтому я и не высказал свои сомнения следователям. Я, к сожалению, в момент смерти находился далеко от отца-настоятеля и не смог осмотреть его тело до приезда городской стражи. А потом, как вы понимаете, мне этого сделать не позволили. Да и дело сразу передали под вашу ответственность.

– Естественно, – подтвердил я, всерьез раздумывая, а не взглянуть ли на этого человека через Тьму. – Что вам известно об обстоятельствах его смерти?

– Господа из Управления уже спрашивали, и я сказал им то же, что могу сказать и вам: отец Нил был прекрасным человеком. И у него ни с кем и никогда не было

конфликтов. В Ордене его ценили, прихожане искали у него совета, храм под его рукой получил определенные привилегии от городского начальства, и даже мои коллеги из так называемой «темной» части пантеона относились к нему более чем благосклонно. Для последователя Рода он очень доброжелательно относился к нашему присутствию. И всегда был готов помочь независимо от того, какому богу мы служим. Во многих храмах, поверьте, такого единодушия среди жрецов нет. И далеко не все настоятели заслужили с нашей стороны такое отношение, как отец Нил. Верлю невероятно повезло: отец Нил сделал этот храм по-настоящему единым. И я искренне скорблю о его уходе вместе со всеми братьями.

– А вы догадывались о том, что он не коренной алторец? – задал я мучающий меня вопрос.

– Конечно, – удивил меня жрец. – Он не скрывал своего прошлого. Мы все знали его историю.

Я подобрался.

– И что же он о себе говорил? Кем он был до получения сана?

– Отец Нил родился и вырос в Рейне. В довольно бедной семье, – бесстрастно поведал жрец. – Всю жизнь мечтал стать моряком и с детства крутился в доках, но лет до двадцати, пока были живы родители, в море не выходил, боясь оставить их надолго. Вдоль побережья частенько бушевали шторма, как он говорил, поэтому лодки и небольшие суденышки разбивало о скалы нередко. Ему не хотелось, чтобы отец и мать на старости лет остались без кормильца. Ну а когда родителей не стало, оказалось, что на суше его ничто больше не держит. Насколько я знаю, с кораблем, на котором он первый раз вышел в море, что-то случилось… то ли на риф налетел в Белом море, то ли попал в шторм… подробности мне неизвестны. Но отец Нил частенько говорил, что чудом тогда выжил и именно после этого крепко уверовал. А потом решил посвятить оставшуюся жизнь служению и сразу по возвращении на сушу… а это было в Триголе… отправился в Орден. Сперва стал простым послушником, потом жрецом, а лет двадцать пять или чуть больше назад стал отцом-настоятелем в Верле.

У меня сузились глаза.

– Напомните мне, святой отец, Рейн – это где-то в Лотэйне?

Вот я дурак. Надо было узнать у матери Лори, в окрестностях какого города жила ее семья. И выяснить у Дроуди, знает ли он, откуда именно родом его экономка. Теперь придется возвращаться.

– Насколько мне известно, да, – пожал плечами жрец. – Какой-то портовый город, если я не ошибаюсь.

– Та-а-к… а в Алторию отец Нил прибыл… не подскажете ли точно? Сорок… пятьдесят лет назад?

– Где-то около того.

Есть! Есть связующая ниточка между нашими жертвами! Правда, я пока не знаю, как ее раскрутить дальше. Сыскарь из меня, увы, не очень.

– А вы не знаете, почему из всех богов отец Нил выбрал именно Рода?

– В благодарность за чудесное спасение, как я понимаю, – чуть заметно нахмурился жрец. – Когда корабль тонул, будущий отец Нил истово молился за спасение своей жизни. И Род уберег его от гибели. Почему вас это так интересует?

– Пока я ни в чем не уверен, – задумчиво отозвался я, а сам лихорадочно перетряс полученные факты.

Итак, что у нас получается.

Есть три жертвы, связанные между собой общим происхождением. Определенно Лотэйн, но, к сожалению, пока без уточнения. Есть три смерти, произошедшие естественным путем, но посредством некоей печати. Истово верующий жрец… маленькая девочка (оговорка – в Лотэйне родилась не она, но имеющуюся связь все равно можно считать прямой) … и нелюдимая экономка. Из того, что я знал, после прибытия в Алторию эти люди нигде больше не пересекались. Хотя надо будет уточнить у дворецкого: может, через него об Элизабет кто-то все-таки узнал? Лори точно по возрасту не могла пересекаться с двумя остальными

жертвами. И их обеих, как я понимаю, в окружении жреца тоже никто не видел.

Так, что еще? Две смерти из трех случились в один и тот же день и примерно в одно и то же время. Третья – на сутки позже, что несколько не укладывается в общую картину и пока не слишком понятно. Тем не менее печати на всех жертвах одинаковые… ну, может, у девочки немного поярче. Но абсолютно неизвестно, что же за шлейф такой тянется за этими людьми из Лотэйна.

Зато ясно другое: примерно полвека назад (плюс-минус пару лет) с каждым из этих людей (поправка: в ситуации с девочкой – с родственниками) произошло некое событие, которое привело их в Алторию. В одном случае – чужие долги, в другом – затонувший корабль, в третьем… м-м-м… еще один пробел – надо у Дроуди уточнить, почему Элизабет бросила родную страну…

После прибытия в Алторию все лотэйнийцы жили тихо-мирно и никому не мешали. У кого-то родились дети и внуки, кто-то дал обет безбрачия, кто-то вовсе не имел детей. Вполне вероятно, что о существовании друг друга эти люди даже не подозревали. При этом отец-настоятель и экономка дожили до преклонных лет, а старшее поколение в семье девочки умерло от старости раньше, чем она повзрослела.

А потом произошло нечто… какое-то событие, тесно связанное с их общим прошлым (не верю, что связи нет, потому что в противном случае вся цепочка рассуждений теряет смысл), и убило эту троицу в течение полутора суток, подняв на ноги сразу два Управления. При этом родных убитых случившееся никак не затронуло… возможно, просто пока… а имеющиеся улики до сих пор не позволяли связать эти смерти воедино.

Собственно, вот и все, что у меня есть на сегодняшний день.

– Я вам еще нужен? – вежливо осведомился жрец, когда я углубился в размышления и напрочь про него позабыл.

– Нет… хотя да, – спохватился я. – В последнее время никто не интересовался прошлым отца Нила? Его никто не искал? Не расспрашивал?

– Отец Нил всегда был на виду, – качнул головой святой отец. – И никогда не отказывал в помощи страждущим. Но я не замечал, чтобы к нему приходил кто-

то незнакомый.

– А ваши братья по вере?

– Не готов вам сказать. Но если нужно, могу уточнить.

– Благодарю, я сам. А имя Элизабет Дейбс вам, случаем, ни о чем не говорит?

– Впервые его слышу, – снова качнул головой жрец. – Ваши коллеги уже расспрашивали о ней и даже показали портрет. Но ее никто здесь не видел.

– Жаль, – огорчился я и со вздохом поднялся, а вместе со мной с лавки поднялся и священнослужитель. – Тогда на сегодня мои вопросы иссякли… кроме одного, пожалуй.

– Да? – с некоторым удивлением обернулся уже шагнувший к выходу жрец.

– Какому богу вы служите?

Он понимающе усмехнулся и без лишних слов закатал просторный рукав, продемонстрировав выжженное на коже клеймо в виде расположенного острием вниз стилета.

– Теперь все? – спросил служитель Фола и вопросительно приподнял брови, когда я с неудовольствием отвернулся.

– Да. Благодарю.

– Тогда я вас покину. Кстати, меня зовут отец Лотий, – бросил напоследок жрец, отдергивая шторку и выходя из кельи. – Можете обращаться, если понадобится.

А затем вдруг замер, словно его поразила молния. Медленно-медленно обернулся, воткнув в меня резко потяжелевший взгляд внезапно затянувшихся Тьмой глаз. Растянул губы в резиновой усмешке и совершенно чужим, каким-то металлическим голосом добавил:

– Фол знает о тебе, Артур Рэйш… постарайся не забывать об этом.

Глава 6

Из храма я вышел задумчивым и даже слегка рассеянным. Оставшихся жрецов опросил, ничего нового от них не узнал, зато получил на свою голову кучу совершенно лишней информации и, по сути, проделал во второй раз одну и ту же работу. Так что явился в Управление в несколько растрепанных чувствах.

– В чем дело, Арт? – столкнулся со мной в дверях спешащий на работу Готж. – Ты сегодня какой-то потерянный.

Я фыркнул.

– Тебе показалось. Скажи-ка лучше: нужно ли простому смертному всерьез относиться к угрозе, слетевшей с губ служителя темного бога?

– Ты уже кого-то из богов успел достать?! – совершенно искренне изумился заместитель Йена. – Ну ты молодец!

Я ухмыльнулся.

– Я вообще способный.

– Да, я заметил! – чуть не подавился смешком Готж и, толкнув скрипучую дверь, зашел в Управление.

Отведенное под наши нужды здание было довольно скромным как в высоту, так и по ширине, серым, невзрачным и довольно-таки тесным. Его единственное достоинство заключалось в расположении – каким-то чудом одному из предшественников Йена удалось захапать дом в самом центре Верля, рядом с городской ратушей, казармами, Управлением городской стражи и храмом. Ютиться приходилось в клоповьих норах, «холодильник» для мертвых тел (к счастью, их много не бывало) вынужденно разместился в подвале, рядом со складом для улик, три существующих кабинета (Йена, самого Готжа и комнаты

для сыскарей) были оборудованы на втором этаже, совместно с архивом. А всех остальных пришлось выселить на первый этаж, где и вовсе развернуться было негде. Просто потому, что большую его часть превратили в приемную, где, согласно инструкции, круглосуточно ждал посетителей одинокий дежурный.

Конечно, народу у нас было немного – собственно Йен, его заместитель, два обученных сыскаря, пара крепких парней, Гуго и Вит, на плечи которых ложилась вся черновая работа, я, мальчишка-писарь, который чаще всего работал посыльным… да вот, собственно, и все.

Гордон Хог официально числился за городской стражей, но ввиду отсутствия у нас штатного мага работал на два фронта, чем, естественно, был крайне недоволен. Тогда как в городской страже, помимо ее начальника – господина Барро и его заместителя Лардо Вейса, бесполезно толклось человек пятьдесят. Что, на мой взгляд, было чересчур для такого скромного городка как Верль.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Управление городского сыска – подразделение, занимающееся расследованием преступлений, совершенных с помощью магии, убийств и/или случаев, где с высокой долей вероятности замешаны потусторонние сущности (здесь и далее примеч. автора).

2

Абос – бог удачи, денежного благополучия, покровитель купцов и богачей.

3

В описываемом мире царит политеизм, а все боги между собой равнозначны. Поэтому храмы строятся по единому образцу, где для каждого из богов устанавливается отдельный алтарь.

4

Благодарность тому или иному богу можно выразить с помощью подношений. Предпочтительнее таких, приобретению которых способствует покровительство того или иного бога. В частности, Абосу желательно отдать часть полученного с его благословения дохода. Для этого рядом с его алтарем всегда имеется сборная чаша.

5

Малайя – богиня ночи, покровительница воров.

6

Рейс – бог войн и разрушений, покровитель наемников.

7

Лейбс – покровитель ремесленников и особенно кузнецов. Изображается в виде мускулистого гиганта, держащего в руке гигантский молот.

8

Сойрос – бог познания. Хранитель мудрости. Покровитель библиотек и любимец студентов. Изображается в виде благообразного старца с посохом в руках и сидящей на его навершии птицей.

9

Ферза – богиня красоты, хранительница очага и домашнего уюта. Покровительница женщин, детей и лекарей. Изображается в виде миловидной женщины, молитвенно сложившей руки перед собой.

10

Ремос – бог правосудия, справедливости.

11

Род – бог света. Покровитель жизни. Не считается главным в пантеоне, но является одним из наиболее могущественных и почитаемых в Алтории богов. Изображается в виде восседающего на троне великана, который держит в правой ладони солнце, а в левой – луну.

12

Солнце – знак бога жизни Рода.

13

Духовными делами в Алтории занимается жреческий Орден, в котором имеется своя верхушка – совет тринадцати высших сановников, представляющих интересы своих богов, и тринадцать основных лож, куда входят жрецы меньшего сана. Пост настоятеля храма – выборный, из числа наиболее достойных представителей ложи. Решается на совете каждой ложи отдельно и утверждается на высшем совете Ордена.

14

Символ бога Рода. Используется как защитный знак от сглаза и порчи.

15

Ирза – приток Ирассы, одной из крупнейших в Алтории рек. На берегу Ирзы как раз и стоит городок Верль.

16

Соседние с Алторией страны: Лотэйн граничит с ней с запада, Рагорн с юго-запада.

17

Белое море – море, омывающее северные берега Алтории.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lisina_aleksandra/kogda-temnye-bogi-shutyat

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить